

СКАЗКА О СКАЗКЕ

СКАЗКА О СКАЗКЕ

АЛЕКСЕЙ ЭРР

Алексей Эрр
Сказка о сказке

«Автор»

2023

Эрр А.

Сказка о сказке / А. Эрр — «Автор», 2023

Эта книга — сказочные приключения 11-летних девчонок, Эли и Люси. Всю свою жизнь они прожили в одном славном старом городе. Правда, попали в этот город они очень странным способом — когда были крохотными малышками, их неизвестно откуда принес огромный воздушный шар. А потом они выросли, весь город их любил, и все в их жизни было хорошо... пока однажды утром к ним не притопал жутко злой великан, он тащил за шиворот девушку невиданной красоты. Тут все и началось! «Сказка о сказке» — большая книга, сказочный роман, в который вплетены две темы. Одна — мечта о повторении, о втором шансе, о возможности исправить ошибки, сделать по-другому. Вторая — об искусстве творить обыкновенные чудеса, видеть волшебное в обычном. Оказывается, это очень мощное средство в борьбе со сказочным злом.

© Эрр А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	8
III	11
IV	15
V	18
VI	22
VII	27
VIII	29
IX	32
X	34
XI	38
XII	43
Часть вторая	47
I	47
II	51
III	54
IV	57
V	59
VI	62
VII	67
VIII	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алексей Эрр

Сказка о сказке

Часть первая

I

- Ну что, видишь?
- Не-а. Ни-вижу. Ти-мноо.
- А меня видишь?
- Тиибя? Даа, виижу.
- И я тебя. Вот. Значит, не темно!

Второе Облачко не сразу ответило, оно вообще неторопливое было, слова растягивало и всегда о чём-то думало неспешно.

«Странно, да. Небо тёмное, не видать ничего. Только далёкие звёздочки – где-то там, будто светлый песок по небу рассыпали, а Темнота густая вокруг. Только первое Облачко – вот оно, рядом шевелится, подбирает ватные края...»

- А ещё, смотри! Смотри. Вон там! Яркий! – чуть не закричало Первое.
- Ну чего-о смотри? Где-е там?
- Смотри! Вот, у края. Лучик бьётся.
- Ну чего-о ты кричишь так? В ухо прямо.

Второе Облачко повернулось на другой бок, чтобы получше разглядеть, что там за Лучик бьётся у края Земли?

- Ну да, вижу. Только он погас чего-то, сорвался. Может, сил не хватило?
- Да, – вздохнуло Первое, – сорвался. Сил не хватило.

* * *

Сверху, где облачка плыли, хорошо было видно: Лучик был маленький, слабенький. Но зато храбрый! Темноты не боялся. Очень храбрый – он с разбегу вскакивал на край земной и цеплялся за него своими ручками-лучиками и ножками-лучиками. Но за край не мог перебраться – Темнота не пускала. Она просто огромной была, во всё небо. И ленивой рукой смахивала Лучик назад, шептала ему: «Брось ты, дурачок. Лети, откуда прилетел. Здесь моё-о царство, а тебе, глупый, дороги не будет...»

Так шептала Темнота, шептала, а время тем временем шло, незаметно так. И Темнота, хоть и большой была во всё небо, но как-то вдруг поняла, что это её время идёт, и не просто идёт – уходит. И оттого расстроилась, перестала быть густой и чёрной.

Это не все знают, но я вам расскажу: когда Темнота расстраивается, по ней полоски начинают бегать. Разные полоски – серые, жёлтые, красные – разные, и все от расстройства. Но если не знать этого секрета, можно подумать, что никакая Темнота не расстроенная. Что она, напротив, о чём-то приятном мечтает – будто не Темнота она тёмная, а Зебра цветная, что пасется на звёздных полях и ловит губами вкусные кометы в ледяных стаканчиках...

Только в ту минуту, когда началась наша сказка, Темнота ни о чём не мечтала: ни о зебре, ни о вкусных кометах – ни о чём. Ей тогда ужасно грустно было, а потом так грустно стало,

что ничего больше она не сказала. Просто махнула большой рукой и прочь пошла. А что она могла? Её время вышло.

И тогда Лучик, гордый, будто сам её победил, снова вскочил на край земной, осмотрелся, сверкнул золотым глазом и дальше полетел – дальше, как блестящая стрелка. А за ним другие лучики полетели над серыми камнями, над синей травой. А потом, чуть повернулся край земли, и все лучики как с горы побежали, запрыгали, словно зайцы. Да, так и запрыгали. И самый первый первым же превратился в зайчика – солнечного. За ним и другие превратились, обычное дело.

И тогда серые камни стали белыми, а синяя трава – зелёной. А если приглядеться – пятнистой, по ней, наверное, миллион солнечных зайцев носился, как светлая туча. А в этой туче прыгали совсем маленькие – зайчишки. И побольше – зайчата. А были такие зайчищи солнечные, что увидел бы кто – испугался. Только в те минуты ещё некому было пугаться, да и нечем, ни один глаз ещё не был открыт. Даже у птиц, что вяло шевелили крыльями и перья топорщили, влажные от росы. Хоть и знали они – пришла пора просыпаться! – но притворялись, что ничего не знают, молчали и дремали сладко.

* * *

А потом в тишине вдруг раздался негромкий Бабах. Негромкий, еле слышный, в старом городе и пострашней были Бабахи, поогромнее этого. Но птицы всё равно встрепенулись и правый глаз приоткрыли. Приоткрыли правый, моргнули два раза и левый расклеили. И вдруг – как взорвались! – кричать стали и судачить, что это за Бабах сегодня такой странный случился. Громче всех взрослые птицы шумели, они были большие, у каждой своё слово, и лезли они с ним не по очереди, а все сразу. За ними птицы поменьше клюв раскрывали, да редко им удавалось словечко сказать. А мелкие птенцы лишь подпрыгивали, очень хотели хоть пискнуть хоть что-нибудь, только им воли никто не давал! Вот ещё, мелких в спор пускать, пусть поживут, подрастут, ума наберутся, а потом уж и в серьёзные разговоры лезут, если пустят их, мелочь такую! Га-га-га-га-га!

И Птибудошт, старый чудный город, сквозь утренний сон слушал птичий вздор и сам просыпался. Просыпался, как все старые города просыпаются, – не спеша. Его добрые горожане потягивались, позёвывали, уже собирались вставать, но потом снова зарывались в мягкие подушки и прятались под одеяла, чтобы ещё чуть побыть в неге и тепле. Но птичий гомон за окном не стихал, всё громче становился, будто в Птибудоште жили одни птицы. Они трещали, кричали, даже звенели, как сто тысяч будильников, и потому руки добрых горожан снова вылезали из одеял и нехотя их отворачивали, а ноги ещё дальше одеяла отпихивали, к самой стене. Потом ноги сползали с тёплых простыней, босые пятки тянулись к полу, шарили, искали тапочки, прятались в них и шли к тёплой воде. Вода умывала уши и щёки, брови, подбородки. И глаза, конечно. Чтобы те поморгали, сбросили с ресниц чистые капли и улыбнулись – сами себе. Себе и всему вокруг, что взгляду встретится.

И не зря! В старом городе было чему улыбаться: все комнатки были чистенькие, уютные, на подоконниках цветочки, на окнах – занавески с цветочками. А за окнами было видно, как просыпаются улочки, переулки. Или уже проснулись. Потому что у некоторых добрых горожан утро начиналось совсем рано: пока все ещё лежали в тёплых кроватях и посапывали в мягкие подушки, и птицы ещё не кричали, зайцы не прыгали, этим некоторым уж некогда было, не до сна. Они с первым солнечным лучиком вскакивали с постелей быстро-быстро, без всякой дрёмы и неги. Одевались ещё быстрее и принимались за работу. Надо было затопить печи, испечь свежий хлеб, молоко разлить в бутылочки и свежие газеты положить в почтовые сумки. А ещё надо было открыть витрины магазинчиков, лавочек, кофиков, смахнуть пыль и навести блеск, чтобы в тот самый миг, как зазвенит дверной колокольчик, всё внутри так и сверкало, и

блестело. И колокольчики просыпались тихо, но быстро. Они неслышно шевелили язычками, готовили нежный перезвон и нетерпеливо гадали, кто же сегодня первый к ним придёт, первым заглянет в дверь?

II

В тот ранний час все колокольчики молчали, а один – не молчал. Это был очень бойкий колокольчик, бронзовый. Лет десять назад, чуть больше, его выковал Лео, лучший кузнец во всём Птибудоште. Весь город просил его сделать самый чудесный колокольчик на свете, с удивительным нежным перезвоном. Кузнец был не робкой души человек, но весёлый, и в работу вложил всю душу. Вот и колокольчик получился нежный, весёлый и вместе с тем неробкий. Потому он и позвякивал в ранний час, когда другие молчали.

Вы, наверное, догадались, что такой необычный колокольчик должен висеть у дверей необычного дома, да? Так оно и было. Домик, где висел колокольчик, был не просто домиком, это был кофик – маленькое кафе. Маленькое, но не простое. В Птибудоште этот кофик каждая кошка знала, каждая собака, каждый ребенок и его родители тоже знали. Все его знали и любили. А почему – мы об этом скоро расскажем.

Бойкий колокольчик – он висел в самом центре старого города, а кофик там стоял, в самом центре, почти. Вот если бы кто превратился в птицу и поднялся высоко-высоко, он бы увидел, что сверху Птибудошт похож на круг, круг этот неровно делит река, а как раз посередине круга лежит большая площадь. На краю площади стоит ратуша, напротив неё – домик, тот самый домик или кофик, про который вы уже знаете. Вот и получается, что колокольчик тоже висел в самом-самом центре. Почти.

Впрочем, не так это и важно: ведь с высоты смотреть – не много увидишь. С высоты и колокольчик казался маленькой точкой, а сам кофик был как зелёный квадратик, не больше, не лучше. Но на деле всё было не так. Вот если бы кто перестал быть птицей, спустился с высоты и попал на городскую площадь, он бы сразу увидел много занятного. Например, что весь кофик утопал в винограде. Не буквально, конечно, это только так говорят, а кофик утопать и не думал. Просто вокруг него стояла высокая ограда из цветных деревянных плашек, а по этим плашкам вился зелёный дикий виноград – такой густой, что листья совершенно закрывали кофик. А по виноградным стеблям ловко прыгали настоящие белки – они прибежали сюда из соседнего парка. Рыжие, с чёрными подпалинами. Такое в городах нечасто встретишь.

Виноград и белки, бутерброды и тёмное пиво, лимонад, вкусный кофе и печенье, пирожные, мороженое – конечно, этот кофик все любили. Когда на улице было не холодно, дождь не шёл, гости кофика устраивались под виноградными листьями на площадке перед дверью – на площадке из больших каменных плит. Там было так уютно! Виноград над оградой рос и рос, свивался в огромный зонтик, под ним даже в самые жаркие дни было не жарко.

Обычно кофики в Птибудоште как-то назывались. В городе был кофик «Васильковый», был «Уютный камин», «Райский уголок», «Вишенка», а ещё – «Диванный», «Синий», «Радужный», а ещё – совсем странные «Буриме» и «Макинтош». Но наш кофик никак не назывался, у него даже вывески не было. Правда, над дверью под самой крышей были написаны какие-то слова, только их никто не мог разобрать:

ЧЕ ... АЖ ... ЛЮ ... ЗЕ
ЖД ... ОЕ ... ВОЗ ... БЯ ... ДАМ
АЙ ... ЧТЬ ... ИСИ ... БЯ

Видите, это даже не слова были, а какие-то обрывки от слов, что когда-то выложили цветными стёклышками. А вокруг них под крышей дома целая картина была, большая мозаика. Но её время тоже не пощадило, тоже оставило лишь обрывки, которые сложно было сложить во что-то целое. Над словами остались только штрихи каких-то фигур: то ли небольшие драконы, то ли крупные кошки. Да! Иногда казалось, что линии сплетаются в очертания двух кошек, что сидят спиной друг к другу, будто чем-то недовольны. Причем хвост у каждой кошки был не один, несколько было хвостов. Так казалось, когда солнце светило ярко, и сквозь виноградные листья пробивались лучи, пятнами освещая старую мозаику. Но потом солнце заходило за тучу, и штрихи рассыпались, фигуры стирались. А как иначе? Раньше цветных стёклышек было много, но потом время и дожди, ветер, снег, морозы, жара сделали свое дело: многие-многие стёклышки выпали, потерялись. Но всем о-очень хотелось понять, что за картина была под крышей, что за слова там были написаны?

Вот загадка – слова и картинка! Но все гости кофика ломали головы над ними, все-все, каждый, кто в кофик заходил. Вернее так: головы они ломали *под* ними, *под* этой картиной, *под* тем, что осталось от слов. Гости сидели внизу за уютными столиками в плетёных креслах и спорили день за днём, год за годом. Всё пытались сложить штрихи и буквы – понять смысл. И спорили-спорили. Вообще, в Птибудоште любили спорить по любому поводу, в любое время.

Вот, например, в городе иногда случались Бабахи. Не каждое утро, не каждый день, не слишком часто, но всё же бабахали иногда. К ним, конечно, все привыкли и по привычке считали, что Бабахи – обычное дело, никакое не особенное. Да и бабахали они негромко, чуть слышно. Иногда только, раз в год, не чаще, в городе раздавался Ужасный Бабах, как его называли. Он был погромче грома в хорошую грозу – такой о-громный, что казалось, дома вздрагивали и на целый вершок вращались в землю. И птицы тоже вздрагивали, в землю, конечно, не вращались, но срывались с деревьев и долго кружили, не могли успокоиться, кричали и жаловались неизвестно на что. Все вздрагивали и пугались, даже собаки в обнимку с кошками прятались, кто куда сможет – на всякий случай. Странно было такое слышать и непонятно, откуда это слышалось?

А раз непонятно, значит, интересно. Раз интересно, значит, есть о чём поговорить. А если есть о чём поговорить, то и поспорить можно. И потому о Бабахах в кофике тоже спорили до хрипоты. Некоторые даже думали, что у Бабахов и старой мозаики под крышей есть что-то общее. Они тыкали пальцами в странные буквы и штрихи, а ладонями строили догадки – как домики. Всё пытались понять: почему сверху было написано «ВОЗ ... БЯ ... ДАМ», и почему порой кажется, будто там две многохвостые кошки сидят спиной друг к другу.

Иногда большие учёные вступали в спор и важно надували щёки, от большой науки всем объясняли, что кошек там нет, что слова эти пока никто не разгадал, а Бабах – просто явление природы. Да, обычное явление, по всей видимости, природы, правда, не до конца изученное. Что, возможно, такой громыхающий звук без грозы может получиться, если фронт низкого давления в атмосфере пересекает зону слабых подземных толчков при температуре строго выше одиннадцати градусов по Цельсию и строго ниже тринадцати. Но поскольку подземные толчки в нашей части планеты – редкость, то учёным никак не удаётся измерить давление там, где они толкаются. И температуру тоже не удаётся измерить. Это архисложная задача, но наука не стоит на месте: всё, что когда-то было тайной природы, со временем находит объяснение. А если сейчас объяснения нет – это дело временное. Да!

Большие учёные эти слова говорили и успокаивались, а все остальные никак успокоиться не могли и каждый вечер спорили и спорили. Порой так увлекались, что бородой смахивали пену от тёмного пива или длинные усы макали в чёрный кофе. А в иное время даже глазами косили в разные стороны – искали там ответа, да никакого ответа там не было.

Один старичок часто рассказывал, что в старые времена все буквы у крыши были целыми словами, их запросто можно было прочесть. А слова это были не простые, слова были очень

важные, может, даже волшебные. Все они что-то значили, только он забыл, что именно. Потому что сам их не видел, но слышал от своего дедушки, когда ещё был маленьким мальчиком. Старичка слушали очень внимательно, хотя все его историю знали наизусть. Но всё равно, когда он рассказывал, всё затихало, можно было услышать, как белки шуршат в виноградных листьях, так тихо становилось. У всех замирало дыхание, хотя старичку почти никто не верил. А самые недоверчивые вообще не верили ни единому слову.

Верили – не верили, но сами-то ничего не могли сказать! Никто толком ничего не знал и, конечно, не помнил. Ведь маленький домик, который потом стал кофיקом, он на краю площади уже давно стоял, может двести лет, может, все триста. Это был чуть ли не самый старый в Птибудоште дом. Когда-то давно его сложили из крепких камней и поставили на большие каменные плиты. И за много-много лет ни один камень не раскололся, не потрескался. Только цветные стеклышки у крыши потрескались и выпали.

Впрочем, бог с ними, что на них смотреть? Многие смотрели и ничего не поняли. А мы – лучше заглянем в кофик, вдруг там найдём что-то интересное?

Внутри кофика, конечно, не было винограда и пушистых белок. Зато стояли особенные столики и кресла, их на улицу не выносили, чтоб не попали под дождь. Это были старинные плетёные столики и кресла искусной работы, они умели так удивительно скрипеть, словно пели песню о временах, когда Птибудошт был совсем другим, наверное, молодым городом. И часы-ходики на стене были молодыми, и кукушка в них тоже была не дряхлой – не таким хриплым «ку-ку» считала время, куковала, что день продолжается, что ночь продолжается.

Под ходиками блестела витрина с такими вкусными пирожными – от одного взгляда на них хотелось съесть не одно, а два или три сразу. А рядом с блестящей витриной темнела резная дубовая стойка с высокими табуретами. На ней серебрились большие краны с разными сортами пива, лимонада и – самое большое чудо! – старинный кофейный самовар, что готовил самый вкусный кофе во всём Птибудоште.

Но самыми-самыми в кофике были его хозяйки. Это были не взрослые женщины, не девушки, а две девчонки, две неразлучные подружки с необычными именами. Или обычными – это кому как покажется. Полностью их звали Элина-Берга-Ада-Марта и Люсия-Стефани-Каролина-Вита. Но, конечно, так длинно они себя не называли, хотя в Птибудоште любят длинные имена. Любят длинные, но маленьких хозяек все звали коротко и просто – Эли и Люси. Звали их просто, а вот появились они в Птибудоште совсем не просто.

III

Одной весной небо над городом было ясное, синее, без единого облачка. Это хорошо, когда небо такое, и добрые горожане поначалу радовались, но проходили дни, а небо над старым Птибудоштом не менялось, оставалось таким же – ни облаков, ни туч. Жара для ранней весны стояла страшная, даже почки на деревьях затвердели и не могли раскрыться. Первая зелёная трава стала желтеть, и река, что неровно делила город, теряла воду, мелела день ото дня. Такой засухи не помнили даже старые люди, они хмурились и ворчали на жару. А те, кто помоложе, сначала шутили и пошучивали, но потом тоже стали ворчать – беспокоились, даже боялись, что их зелёный Птибудошт навсегда останется серым и жёлтым. И все боялись, что урожай в этом году погибнет, фермеры в окрестностях города разорятся – в общем, много бед будет от жары. А воды становилось всё меньше, едва хватало на еду и питьё.

Добрые горожане каждый день выходили на улицы, площади, скверы и видели, как желтеет трава и засыхают ветки. И каждую минуту смотрели на небо – вдруг где появятся облака? А ещё лучше – тучи. Или много-много туч! Они принесут в город дождь. Да, пусть будет дождь, пусть льёт проливной, зато Птибудошт вновь станет зелёным, как всегда красивым до поздней осени. А потом выпадет снег и придёт другая красота.

И вот, однажды утром вдалеке в синем небе появилась тёмная точка. Все добрые горожане высыпали на площадь перед ратушей, смотрели на неё не отрываясь, и каждый молился или просто шептал – может, тёмная точка превратится в большое тёмное облако? А точка росла, приближаясь к городу, и непонятно было, что это такое, пока не приблизилась она и не стала – о! – воздушным шаром в окружении чёрных грозовых туч.

Про воздушные шары люди в Птибудоште слышали и даже видели их – на картинках в книгах и газетах. Но настоящего шара ещё никто не видел, и потому на него смотрели, как на большое чудо, тем более что чудо это окружали огромные-преогромные грозовые тучи. Прямо как в сказке – плотным кольцом, будто грозные великаны охраняли шар. Даже страшно становилось от этого, и добрые горожане только пальцами тыкали в небо, в грозных великанов, но ничего сказать не могли, боязно было.

Потом шар стал опускаться на площадь. Очень плавно и ровно. А тучи – они окружили город и засверкали маленькими молниями. Шар был невероятно большой, опутан сеткой, к ней были привязаны толстые верёвки, что держали корзину. И корзина была не маленькая, но рядом с шаром казалась почти крошечной, как напёрсток.

Все на площади смотрели, как она опускается, как над ней нависает шар, как над шаром сгущаются чёрные искрящиеся клубы. И вид у них был пугающий, а ещё пугала тишина. Никто ничего не говорил, только изредка раздавался треск молний и лёгкий гром. И тогда люди чуть слышно тянули воздух – «Ох!» или «Ах!». Или вместе: «О-ах!» Ветра не было, воздух стоял, корзина опускалась. Опускалась, опускалась, пока не стукнула дном о камни площади перед ратушей. И тогда смелые горожане заглянули в неё и увидели, что на дне лежат два конверта – очень красивые, из атласной ткани, и в каждом пищал младенец. Они ещё не плакали, но, видно, собирались громко расплакаться, раскричаться.

Самыми смелыми оказались женщины, они подняли конверты из корзины и стали баюкать малышей, разглядывая их славные личики. А потом самые смелые мужчины перегнулись и постарались найти в корзине ещё что-нибудь. Но в корзине ничего приметного больше не было, только толстые верёвки и какие-то тряпочки. Но в них что-то блеснуло, и смелые мужчины вытащили ещё один конверт – не с младенцем, а с письмом. Потом они попытались найти ещё что-то, но не успели: подул тоненький ветерок и чуть наклонил шар. За ним – почти настоящий ветер, от которого шар ещё больше наклонился и потянул за собой корзину. Самые смелые мужчины не стали её удерживать, у них всё равно не хватило бы сил. И правильно они отпря-

нули от корзины! Потому что секундой позже над площадью сверкнули сразу три молнии. Они сверкнули где-то в вышине, между тучами, что окружили город. Но следом за ними налетел такой вихрь, что волосы у всех на площади взвились и легли набок. А следующий вихрь был в десять раз сильнее. Он как будто ниоткуда рванул и подхватил огромный шар, как пушинку. И все смелые закричали от радости – что никому не хватило глупости залезть в корзину, потому что шар кружило по спирали, с каждым витком он улетал всё выше к чёрным облакам. А потом пропал в них, и больше его никто не видел. Может, кто-то видел в других городах, но об этом в Птибудоште ничего не слышали.

Конечно, потом пошёл дождь. Не какой-то там мелкий дождик, а ливень, как в сезон дождей в далёкой восточной стране. Но ему были рады, а наутро Птибудошт сверкал всеми оттенками зелени. Распустились почки на деревьях, появились листочки на кустах, трава не просто стала зелёной, она выросла на целый вершок, пока шёл дождь. Видно, природа ещё больше, чем люди, ждала воды.

Но это, в общем, не так и важно. Главное – все видели чудо, это чудо спасло город, и потому две малышки сразу стали почетными горожанками. Да, две малышки. В атласных конвертах лежали две крохотные девочки. Каждый человек на площади хотел взять их к себе. Многие начали спорить – что у кого-то прав больше, у кого-то меньше. Кто-то раньше заметил воздушный шар, кто-то позже, а у кого-то хватило смелости взять малышей на руки. Очень мирные и добрые жители Птибудошта чуть не подрались. И тогда мэр громко сказал своё слово, а потом вывесил на площади приказ, в котором каждый мог прочитать:

Добрые горожане, добрые горожанки. Я вижу, что благодарность переполняет ваши сердца. Я знаю, что каждый дом, каждая семья готова стать родной для двух чудных девочек, что прилетели к нам на воздушном шаре и принесли с собой долгожданный дождь, который, прямо скажем, спас наш город. Но я также вижу, что наши добрые горожане готовы разорвать бедных малышей на кусочки, а этого мы никак не можем допустить. И потому властью, данной мне городом, я принимаю такое решение:

1) Дом напротив ратуши, где сейчас никто не живет, становится родным домом наших малышей.

2) Город сделает всё, чтобы старый дом стал ухоженным и уютным, чтобы наши спасительницы могли расти в нём, не испытывая никакой нужды.

3) В этот дом смогут приходить все-все-все, кто хочет растить и воспитывать наших малышей. Если же желающих будет слишком много, им придется записываться в очередь у моего секретаря в кабинете № 1 на первом этаже ратуши.

Ваш дорогой мэр,

Филипп-Эммануил-Иоанн.

Конечно, желающих было слишком много, и бедный секретарь мэра с раннего утра и до позднего вечера записывал, кто и когда будет растить и воспитывать малышей. И не успевали люди, записанные на 10 утра, накормить маленьких девочек, как в 10:30 им стучали в окно и показывали часы – что пришло время другой семьи. Другая семья понимала, что кормить два раза подряд – нехорошо. И потому начинала читать малышам волшебные сказки, которыми так славится Птибудошт. Через полчаса в окно стучалась третья семья, где старшая дочка прекрасно играла на клавесине. И она устраивала для малышей концерт волшебной музыки, которой так славился Птибудошт. Четвертая семья убаюкивала, пятая и шестая – охраняли сон, пели колыбельные песни. Седьмая одевала малышей, восьмая снова кормила и так по кругу с утра до вечера и с вечера до утра.

А потом малышки выросли. Весь город гордился ими и больше не спорил, понимал, что делить на кусочки девочек не надо. Город сам чуть не разорвался на кусочки, чтобы каждый добрый горожанин и каждая горожанка, тоже добрая, конечно, все чувствовали – это наши дети! Я их кормила, а я им читал, я учил грамоте, а я катала на лошади. И так по кругу, по кругу, по кругу.

Девчонки выросли смышлёными и забавными. Ведь у них было много родителей, много любви и тепла. Каждый родитель их чему-то научил, и потому иногда казалось, что Эли и Люси умеют всё на свете. А от этого казалось, что они старше своих одиннадцати лет – ровно столько времени прошло с той весны, когда малышки прилетели на воздушном шаре. И ещё весь город ломал голову, старался отгадать – то ли они родные сёстры, то ли не родные и не сёстры? Кто-то говорил, что они похожи друг на друга, как близнецы. Но ему тут же отвечали, что он никогда близнецов не видел, а Люси и Эли в лучшем случае кузины, но никакие не близнецы. Да, в Птибудоште любили спорить по любому поводу.

А без повода, просто так, Люси была светлая и сероглазая, и чуть повыше Эли ростом. А у Эли глаза были тёмно-зелёные, а волосы, совсем чёрные, прямые и гладкие, блестели, как у японской куклы. А ещё Люси обычно двигалась быстро, чем и не думала хвастаться, а Эли...

Но нет! Не будем. Не будем мы раскрывать все секреты сразу, потому что этих секретов впереди – видимо-невидимо, воз и маленькая тележка. И ещё две тележки в придачу. Только одной маленькой тайны мы ещё раз коснёмся: вы же помните про третий конверт, с письмом, что нашелся в корзине воздушного шара? Так вот, он ничем не помог и почти ничего не рассказал – откуда появились Эли и Люси? Правда, на нём было написано красивыми буквами: *«Для Элины и Люсии. Это письмо надо отдать девочкам в день, когда пройдет ровно одиннадцать лет и одиннадцать месяцев со дня их появления в вашем городе!»*

Так добрые горожане узнали, как зовут малышей. Некоторое время умные мужчины думали – а кто из них Элина и кто из них Люсия? Но умные женщины быстро нашли на атласных конвертах метки **E** и **L**, и после этого уже никто не сомневался, что каждая девочка получила свое имя, что имена никто не перепутал. Правда, в Гражданской Книге Записей Птибудошта двум почетным горожанкам добавили еще несколько имен. Во-первых, чтобы было красиво. А во-вторых, чтобы потом, когда малышки вырастут, каждая смогла выбрать для своей взрослой жизни двойное или тройное имя – в Птибудоште их очень любили, двойные и тройные имена.

Но вернемся к конверту с письмом. Конечно, это письмо все очень-очень хотели прочесть, хотя читать чужие письма – нехорошо. Но добрые горожане сразу догадались, зачем и почему им надо раскрыть конверт. Они надеялись, что послание для Элины и Люсии поможет им лучше заботиться о девочках. И еще надеялись, что они смогут найти родителей маленьких девочек или хотя бы начать поиски. Конечно, добрые горожане были уверены, что письмо надо прочесть. Но никто не смог этого сделать! Конверт у письма был какой-то странный, он не открывался. Конечно, его пытались открыть. Сначала руками, потом ножами и ножницами, потом даже кузнеца Лео просили, чтобы он как-нибудь вскрыл загадочный конверт. Но кузнец тоже ничего не смог сделать – конверт был как заколдованный, он даже в огне не горел, его даже топор не брал, и пила не пилила. Его ничем нельзя было разрезать, нельзя было разорвать. Поэтому любопытные горожане потихоньку успокоились и отдали конверт мэру, он держал его в ящике для особо важных бумаг.

А девчонки, Эли и Люси, жили в Птибудоште, не тужили. Больше всего на свете они любили принимать гостей – ведь они привыкли к этому с раннего детства. И потому однажды попросили мэра чуть-чуть перестроить двор и входной зал своего домика, превратить домик в кофיק, чтобы каждый добрый горожанин и каждая горожанка, тоже добрая, могли приходить к ним, когда захотят.

Мэр почесал свою круглую голову и спросил: «А вы не слишком маленькие, чтобы работать?» Но девчонки ему бойко ответили, что они уже почти взрослые и работа им нипочем. И они были правы, ни чуточку не выдумывали.

* * *

Солнечные зайцы и рыжие белки только начинали прыгать по виноградным стеблям, а Люси и Эли уже трудились и трудились, как заводные – ведь даже в маленьких кофках бывает много дел.

– Эли, ку-ку! Мой мальчик!

Люси не звала подругу, а так, подшучивала над ней. И над собой тоже. Она страсть как любила мультики и выбирала из них смешные слова: всякие там: «Ку-ку, мой мальчик!», «В попугаях я значительно длиннее» или «Акела промахнулся». И повторяла их порой без всякого повода – сейчас она натирала до блеска витрину с пирожными, до зеркального блеска, и внимательно разглядывала своё отражение.

– Здесь я, дар, здесь! – Эли отвечала серьёзно, толкая перед собой столик на колёсиках, уставленный салфетницами и сахарницами, солонками и перечницами. И её ловкие руки так быстро мелькали, что, казалось, перечницы и солонки сами выпрыгивают на столики и занимают самые удобные места.

Девчонки перебрасывались нехитрыми словами, что-то приукрашивали, что-то поправляли. Надо было успеть, пока в кофке не появились первые гости. А потом они появлялись – первые, за ними вторые, третьи, четвертые. И так целый день до позднего вечера. Целый день маленькие хозяйки кормили и поили своих гостей, бегали от стойки к столикам, от столиков к другим столикам, и улыбались, улыбались, говорили приятные птибудоштские слова, и снова улыбались, под вечер чуть усталыми улыбками.

А иначе и быть не могло. Ведь в Птибудоште все-все считали девчонок своими – дочками, сестрами, внучками. И вообще, в Птибудоште жили люди добрые. Конечно, они любили спорить и часто спорили так, что чуть не ссорились друг с другом, но по-настоящему никогда не ссорились. Больше всего на свете они любили посидеть за чашкой чёрного кофе или кружкой тёмного пива – просто, не спеша. Поболтать, о чём душе угодно, поесть что-нибудь вкусненькое. Да, добрые люди жили в Птибудоште. А недобрых и злых маленькие хозяйки даже не видели, не пришлось. Им даже казалось, что злые и недобрые – таких вообще не бывает, что они только в книжках и мультиках встречаются. Но однажды, ранним утром в их кофке появился очень странный гость.

IV

Да, появился! Большой-пребольшой, с толстыми ручищами, выпуклыми глазищами – таким любая жаба позавидует. А ещё со здоровенными сапожищами, великанского роста ВЕЛИКАН. Он был такой огромный, что назвать его человеком язык не повернётся. Или повернётся, да не вывернется. Хотя, чего там... не в языке дело, а в великане. Появился он, и всё тут!

Вида он был странного. Одет в роскошные одежды: плащ чёрного бархата с золотым шитьём, за плащом камзол виднелся, тоже весь шитый золотом, а под ним сорочка с такими кружевами, что обычно зовут белоснежными. Только белоснежность они давно потеряли, кружева стали серыми, грязными, бурыми, и сорочка тоже стала грязной, и камзол с плащом. Их словно триста лет мяли, жали и пыль на них сыпали – каждый день, как нарочно, такой толстой коркой она выросла. И теперь только гадать оставалось – какой же раньше была эта роскошная одежда? Или сейчас была бы, если выстирать её и выгладить хорошенько. Только вместе с камзолом-плащом и самого великана пришлось бы стирать да гладить – у него даже длинные волосы и борода были пылью присыпаны. И за триста лет в такие космы замотались, что и думать было страшно – как их вычесывать придется?

Всё это было странно, да. Девчонки никогда живого великана не видели, а такого толстого и нечесаного – вообще никогда не видели, и всё же смотрели на него ровно одну секунду, а потом перестали смотреть. Потому перестали, что он тащил за шиворот девушку. Да, девушку! Ухватил её за высокий воротник парчового платья, будто овечку или барашка за шею. А девушка – она не какая-нибудь простушка была, она была удивительная красавица, что и во сне не приснится, сказочной красоты. Потому и взгляд от великана сам отскакивал – на красавицу. Взгляд отскакивал, только этот громадный в сапогах да с жабыми глазищами мало думал – смотрит на него кто или не смотрит? Он тащил свою пленницу толстой лапой, будто поймал где и напугал до смерти, еле ноги она передвигала. Зато великанские сапожищи тяжко гремели. И дышал он, сипел, будто большая гора задыхалась.

Так и протопал он по площадке кофика, по каменным плитам, положил ладонь на столик, полстола прикрыл своей лапой, и плюхнулся сразу на два кресла. Они аж застонали под его тушей, а куда делись плетёные ручки, этого и вовсе не понять – не то оборвались, не то провалились. Но великан и об этом не думал; он отдышался чуть, поводит по кругу жабыми глазами, а красавицу подтащил поближе, приподнял и запросто так бросил на третье кресло, как игрушку. Потом ещё раз перевел дух, задёргал толстым носом и... увидел девчонок, что выглядывали из кофика и моргали в удивлении. Он же, не моргая на них уставился, а потом так хитро щёлкнул толстыми пальцами, что указательный после щелчка прямо на Люси показал. И Люси поняла – это на неё толстый палец показывает.

– Э-эй т-ты, х-х-аа-зйика! П-пади-ка сюда и п-подай м-мне м-маароженного ку-клуубничного ш-шесть ш-аариков. И ка-аанфет. И пи-иирожных ч-четыре пшш-туки! Два мм-индальных, два ав-всяных. И бб-аальшую кк-ружку пп-ива!

Великан заикался, очень сильно заикался. Иногда замолкал, словно думал – говорить дальше или оборвать слова? А слова вылетали из него с таким жёстким хрипом, неприятным таким, словно все ему много денег были должны, да никак не отдавали. И хотя хрипел он негромко, Люси показалось, что он чуть не орёт на неё, а обидеть – точно хочет, такие злые у него были слова, и смотрел он недобро.

Но Люси знала, что никаких денег ему не должна. И вообще не привыкла, чтоб на неё невежливо хрипели всякие там великаны. «Господи, до чего же на большую жабу похож!» – Люси сморщила нос, будто на за её столиком и впрямь сидела большая жаба. Да, всякие там великаны и бба-аальшие жабы! Тут она поперхнулась, проглотила обиду, молча записала в блокнотик, что великан сказал, кивнула, отодвинулась боком, вырвала листок и Эли отдала.

Эли тоже не привыкла, чтобы на Люси хрипели всякие там непонятно кто, но тоже решила пока не ругаться. И потому просто перехватила листок, положила в вазочки клубничное мороженое, конфеты и пирожные разложила на блюдечках, налила большую кружку пива, красиво расставила всё на золотистом подносе и принесла странным гостям.

И хотя она всё сделала быстро, за минутку, великан ворчал и ворчал что-то под свой толстый нос, недовольно так, будто Эли два часа возится. Ворчал, пока все вкусности не оказались перед ним. И только тогда задвигал носом, словно принохивался, а ленивой рукой вытянул из-за широкого пояса старинный кошелек, кожаный мешочек с тесёмками, и стал в нём шарить. Толстым пальцам было тесно в кошельке, но великан жадничал высыпать деньги на стол и от жадности ещё больше злился. Злился, и всё же нашарил в кошельке золотую монетку, швырнул её в воздух, золотую, некрупную.

Монетка не успела взлететь, как Эли ловко её поймала и удивились – первый раз к ней в руки такая монета прилетела, непонятно из какой страны. Золотая, конечно, но сколько за неё сдачи давать – это надо было подумать. Эли даже брови нахмурила, прикинула монетку на вес, ещё подумала. И не спеша стала отсчитывать сдачу серебряными денежками. Одну положила на стол, вторую. Но тут плетёные кресла под великаном снова застонали, он нагнулся, захрипел и... попробовал шлёпнуть Эли по попе. Но не шлёпнул, а просто лапой махнул, потому что Эли, быстрая, как белка, уже стояла с другой стороны столика и продолжала отсчитывать серебро. Не спеша.

– Ааах! Паа-прыгучая каа-кая! Т-ты ещё паа-прыгаешь у мее-ня ещё!

Этот великан точно был похож на большую жабу, Эли об этом тоже подумала. Он сверкнул на неё выпуклым глазом и ещё что-то беззвучно губами прошептал. Видно, Эли рассердила его не на шутку, у него даже лицо тёмное стало. А монетки он смёл со стола в карман, кошелек не доставая. А потом – потом облизал губы шершавым языком, выпил полкружки пива, проглотил мороженое сразу из двух вазочек, выпил ещё пива, съел все конфеты и, запрокинув косматую голову, противно зафырчал остатками в большой кружке.

Эли и Люси повидали много людей, всяких и разных, забавных и не очень, но таких гостей в их кофике никогда не было. И во всем городе таких не было.

– Люси, – шепнула Эли, – видела, какая она красивая?

– Видела, – еле слышно выдохнула Люси. – Только она...

Тут Люси запнулась, не смогла договорить – почему «только она» или что «только она» – всё непонятно было. И сказать по правде, маленькие подружки не понимали, что у них в кофике творится, то есть совсем не понимали. А когда пытались, их славные личики лишь застывали в грустной задумчивости. От этой задумчивости всё вокруг замерло, даже солнечные зайцы притихли, даже белки перестали прыгать и свесили вниз любопытные уши с длинными кисточками, а в воздухе повисла полная тишина. Но висела она недолго, потому что секундой позже произошло нечто такое, такое нечто, что ни в одно непонимание не влезет. Что-то страшно невероятное, будто трясли, трясли кусок земли, и вышло из этого целое землетрясение.

Этот великан – Большая Жаба, как его девчонки называли – опять приподнялся. Поломанные кресла под ним жалобно застонали, постояли секундочку и рухнули, словно сил у них не осталось. Великан же о них не думал, он потемнел лицом ещё больше, хотя больше некуда было темнеть, и широким взмахом отшвырнул от себя столик. Резко так, что плащ хлопнул, а бедный столик полетел кувырком, и вслед за ним скользнули в воздухе и разбились на каменных плитах большая кружка и вазочки, и блюдечки. Великан присел, точно, как жаба, хватая воздух открытым ртом, и запустил длинные и толстые пальцы прямо в каменные плиты, из которых была выложена площадка перед кофиком. И подружки не успели глазом моргнуть, как глаза их быстро-быстро заморгали – великан заскрипел зубами от натуги и со скрипом, скрежетом приподнял одну здоровенную плиту, и вбок её сдвинул. Сдвинул и начал дальше

толкать, и опять зубами заскрипел, и толстым носом задёргал, видно, от сырости, что выползла из подземелья под плитой и дальше вверх поползла.

А девчонки всё стояли, пошевелиться не могли, только ресницами хлопали. Смотрели на красавицу, на великана, снова на красавицу, снова на великана, что возился с тяжёлым камнем, пихал его в сторону и тяжело, тяжело хрипел. Но как справился с каменной плитой, вдруг обернулся на подружек и снова щёлкнул пальцами так, что указательный на девчонок показал. И от этого им снова стало жутко, они прямо замерли, словно столбики, – ошолбенели. Стояли так, одним глазом на великана глядели, а другим – на девушку. А красавица хоть и смотрела в ответ, но странно как-то, очень странно, будто спала. Глаза её, правда, открыты были, но глядели в никуда и не говорили ничего, молчали.

Если бы Эли и Люси смогли подойти поближе и заглянуть красавице в глаза, они бы очень удивились. Глаза у красавицы были зелёные; и не просто зелёные: формой они напоминали миндальный орех, а над скулами их «миндаль» сужался, превращался в стрелку, которая шла вверх, к вискам. Но самое странное было, что зрачки у этих глаз были не круглые, а вытянутые, как у кошки, заострённые сверху и снизу.

Если бы маленькие хозяйки смогли подойти поближе, они бы всё это увидели, но сейчас они ничего не могли: ни слова вымолвить, ни просто губы раскрыть. Только застывшими глазами смотрели: вот великан чуть разогнулся, не оборачиваясь, потянул назад здоровенную лапу и сгрёб прекрасную пленницу под плащ. Потом ещё раз дёрнул носом от сырого воздуха и стал спускаться, как по невидимым ступеням, куда-то вниз. Вот он наполовину исчез, вот нырнула под плиту его триста лет немытая голова, и остались только толстые пальцы. Остались, пошарили, потрогали камень, ухватились за его край и с глухим стуком задвинули вход в подземелье.

От этого стука Люси и Эли очнулись. И хотя с места не двинулись, опять стали быстро моргать. Стояли недвижно и только хлопали, как в ладоши, хлопали длинными ресницами. Казалось, так громко, что могли спящих детей разбудить, да, к счастью, никаких детей рядом не было.

Время шло, как обычно, уже пришло к той секундочке, когда девчонки в себя должны были прийти. Но что-то не получалось у них, не приходилось в себя – никак. Они просто глазам своим не верили и, если б не перевёрнутый столик, не переломанные кресла, осколки да свежие царапины на камне, они бы и впрямь подумали, что не проснулись ещё, и не взаправду всё происходит, а в каком-то дивном, глупом сне.

Но прошла минутка, другая, целых пять...

– Эли, ты меня ущипни, если что не так. Паа-жалуйста. – Люси наконец зашевелилась и поглядела на подругу.

– Ущипнуть-то я тебя ущипну, только, кажется мне, всё это «ж-ж-ж» неспроста!

Эли говорила тихо и грустно, и головой качала, даже губы закусила, сначала одну, потом другую. И полная тишина снова повисла в воздухе.

V

Вслед за тишиной пришла задумчивость и осталась надолго. Люси она сразу не понравилась: обычно мысли в её голове были живые, а сейчас они замирали, еле шевелились, и от этого Люси морщилась, словно ела что-то невкусное. А Эли – Эли просто тихонько думала. Думала, что всё на свете проходит, хорошее и плохое, горькое и сладкое, даже неприятности проходят, надо только подождать, пока они все пройдут.

В задумчивости девчонки стали тихими. Они молча смотрели на погром, что великан сотворил, жаба такая, чуть не разломал их славный кофик. Молча собирали осколки большой кружки, перебитые вазочки, блюбочки, ставили столик на место – ему ещё повезло, ничего ему не сделалось. Но тут они увидели кресла, а у кресел вид был такой пострадавший, такой несчастный и поломанный, что девчонки сами стали несчастными и поломанными. Они руки опустили, вздохнули тяжело и побрели за двери кофика – ставить на место себя самих. Если вы пробовали ставить себя на место, то знаете, что это дело непростое и небыстрое. Эли и Люси об этом догадывались и на всякий случай приладили на стеклянной двери кофика картонный листок:

ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ, НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ.
МЫ ПЕРЕСЧИТЫВАЕМ МОРОЖЕНОЕ,
ПОДОЖДИТЕ НЕМНОГО,
ПОЖАЛУЙСТА! СПАСИБО!

Колокольчик за дверью тихонько позвякивал. Может, ветер его шевелил, а может, и сам он о чём-то думал. На стене тикали ходики с немолодой кукушкой. Время уже к половине седьмого подошло, механизм у ходиков заскрипел, зашипел, приготовился отбивать время, но кукушка только высунулась из резной дверцы и сразу обратно спряталась. Посмотрела на несчастных девчонок и поперхнулась – обычное «ку-ку» у неё в горле застряло.

Эли и Люси не находили себе места, бестолково бродили по кофику. Ходили, ходили, столько шагов прошли от угла к углу, что по обычной своей скорости могли две улицы пробежать и обратно вернуться. Но сейчас ноги у них вяло передвигались, как ватные, а ватные руки только начинали зачем-то подниматься и опускались сразу. Движения были жалкие, тоскливо от них становилось, как от капель из ржавого крана, что капает, капает.

Девчонки ещё раз отворили стеклянную дверь, внимательно посмотрели – может, они чего-то не заметили, не увидели? Может, под виноградным зонтиком что-то новое случилось? Но нет, ничего там не случилось. Только рыжие белки продолжали свешиваться, прислушиваться, и два голубя прилетели поклевать пирожные, миндальные и овсяные. К ним великан и притронуться не успел. Или не захотел.

Подруги покосились на голубей – те были очень заняты, крошили и отнимали друг у друга сладкие кусочки. Посмотрели на белок – эти рыжие только сверкнули бусинами глаз, махнули хвостами и скрылись в виноградных листьях. Ох, ну что тут поделаешь! Пришлось снова прикрыть дверь и хоть что-то придумать: от бестолковости, от несносной ходьбы, от тишины с горькой задумчивостью – никаких сил не осталось.

И тогда Эли взяла чашечки, две. Дернула ручку кофейного самовара и приготовила кофе, чуть крепкий, чуть сладкий, добавила пару капель молока. У девчонок был замечательный

самовар. И ещё – удивительный дар варить вкусный кофе, от его густого аромата даже самые печальные гости кофика оживали, а сейчас подругам надо было себя оживить. Они уселись на высокие табуреты у дубовой стойки, зажали чашечки, чтобы ладошкам стало тепло, горячо, и маленькими глоточками стали выгонять, выталкивать свою задумчивость. Но она не хотела уходить, её толкали, она упиралась, её выгоняли, она возвращалась и мучила.

А девчонкам уже сто раз надоело мучиться, и потому кофейные чашки в их руках стали беспокойно себя вести. А когда подруги с новой силой подтолкнули задумчивость, по тёмному кофе в чашках пошли волны. Вообще, маленькие хозяйки редко молчали, разве что во сне или когда были о-очень увлечены каким-то делом. Но сейчас никакого дела у них не было, и спать не хотелось, и молчали они слишком долго, особенно Люси. И потому молчание дулось, как мыльный пузырь, дулось, дулось и... лопнуло!

– Нет! Ты подумай, какая жаба бессовестная!

Девчонки как проснулись, и сразу закричали громко и одинаково. На самом деле, кричать они не любили, но сейчас, как пошли волны по тёмному кофе, всё вокруг словно взорвалось от сердитости, и волны, казалось, прямо по кофику ходят взад-вперёд и плюхаются. Если бы кто со стороны смотрел – мог бы подумать, что Эли и Люси на табуретах раскачиваются и брови хмурят, чтобы покрепче друг с другом поссориться. Но они, конечно, только на великана сердились – так, что у них руки чесались дать ему по башке чугунной сковородкой.

– Невероятно! Дар. Не-веро-ятно!

– Да нет, ты вспомни, как он её! Что он её?!

– Нет, ты сама вспомни!

– И вообще!

– А послушай, она!

– И такая красивая!

– И такая несчастная!

– Я бы его за это!

– Просто п-придушила!!!!

– А я бы его за это!

– Просто р-растерзала!!!!

«Рррры!!!» Девчонки уже разобрать не могли, то ли кричат они сердитые слова, то ли р-рычат. Р-руки у них держали горячие чашечки, хотя им больше хотелось мелькать и крутиться. А рычащие слова вместе с волнами носились по кофе и кофику, и будь у них силы побольше – ох, несдобровать бы простой посуде и расписным тарелкам, что висели на стенах для красоты. Но силы хватало только, чтобы всё вокруг дребезжало и подпрыгивало, и снова дребезжало, и снова подпрыгивало.

Сердитые волны в кофике стали огромными, просто большущими. Кукушка, что уже полчаса готовилась прокуковать семь раз подряд, снова выглянула и сразу спряталась, все свои «ку-ку» проглотила. А девчонки не успели коленки отвести, как весь кофе из чашечек на них горячими волнами вылился. Ну, не весь, в каждой осталась пара глотков. Но, главное, крик оборвался, будто его оборвали. От горячего кофе на коленках снова стало тихо, в кофик снова забралась полная тишина.

«Господи-боже-ж-ты-мой!» – прошептала Люси, и Эли прошептала, других слов у них не нашлось. Но от тихого шёпота они вдруг поняли – им вдруг стало ясно, что кроме обиды есть вещи похуже. Что бог бы с ним, с этим великаном лупоглазым, жабой такой! Или даже чёрт бы с ним. Пусть он нахамил, нагрубил, столько славных вещей поломал и каменные плиты поцарапал. Всё это гадость обидная, но он же, жаба такая, красавицу под землю утащил! Прекрасную пленницу. Утащил, как соломенный тюфяк! Как старую куклу! Вот это – да, гадость! Огромно-про-тив-на-я-нес-тер-пи-мая! Вот такая.

– А тебе не показалось, что она у нас помощи просила? – Эли очнулась от сердитости и уже по-другому, с вопросом, нахмурила брови.

– Конечно, показалось! – Люси даже не задумалась, хотя, если честно, никакого знака от пленницы не видела и не помнила.

Девчонки ещё раз внимательно посмотрели друг другу в глаза и громким хором перешли на новый крик:

– Вот, жаба какая! Ну нет, этого я ему точно ни за что не прошу!

Это у них часто бывало. Очень часто маленькие хозяйки вместе начинали говорить совершенно одинаковые слова, что всегда получалось смешно. И они смеялись до поросячьего визга, и поддразнивали друг друга – что слишком они задружились. Что им надо пореже видаться, и тогда разные мысли к ним будут приходить. Хотя бы иногда.

Но сейчас им почему-то не хотелось смеяться и дразниться. Люсины серые глаза в такие круги расширились, что казалось, вот-вот выскочат они и по полу покатятся. А Эли свои зелёные сжала в совсем узкие щелочки, будто спрятала. Но и так было видно, каким огнём они горят.

– И я не прошу, вот ещё, прощать всякую шушеру!

Крик девчонки сбавили и чуть не смехом прыснули. Люси уж точно смеялась и злилась одновременно.

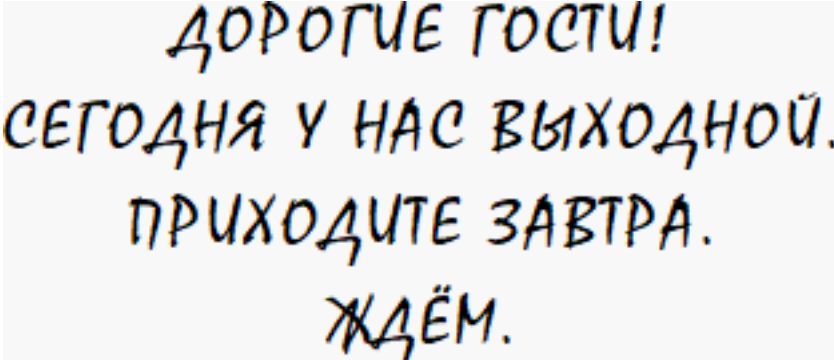
– Знаешь? Лучше, знаешь, мы его догоним. Мы его. И... – и тут она надула щёки, стала воображать, как они догонят Большую Жабу.

– Ну, догоним. И что? – Эли недоверчиво посмотрела на подругу. – Что мы с ним сделаем? Ты же видела, какой он здоровенный?

Эли спросила, но в ответ получила не слова, а далёкий взгляд, очень далёкий. Люси смотрела сквозь стенки, унеслась в погоню, откуда-то взяла сковородку, не чугунную, правда, а легкую, медную. Зато этой сковородкой она надавала таких тумачков Большой Жабе! Отняла у него прекрасную пленницу. А он весь сжался и стал маленькой жабой, сидел под кустом и тихо квакал. А красавица обнимала Люси и слёзы лила ручьём. От счастья. Ручьём. Всё получилось так ясно, прекрасно, что никаких вопросов не было и быть не могло! Что мы с ним сделаем? Фу-ты, ерунда какая! И так всё понятно!

– Фу-ух! – Люси вернулась из воображения и выпустила воздух из щёк. – Ну что за дурацкие вопросы? Главное догнать, а там что-то придумается. Да-да, не бойся, само придумается. Само. А пока...

Тут она снова замолчала, так надолго, что Эли успела снять картонку с двери, повернула её и толстым синим фломастером написала на ней что-то новое – на другой стороне. Потом пощёлкала пальцами, чтобы Люси к ней повернулась, дала ей взглянуть и снова приладила картонку на стекло двери:

ДОРОГИЕ ГОСТИ!
СЕГОДНЯ У НАС ВЫХОДНОЙ.
ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА.
ЖДЁМ.

– Ты что? – Люси даже выглянула из кофика, чтобы ещё раз на картонку взглянуть, – ты что, уверена, что мы за один день одолеем это чудище-юдище?

Она снова уселась на высокий табурет, выпила оставшиеся в чашке капли кофе и голову наклонила от удивления. А Эли серьёзно усмехнулась:

– Ой, дар, кто-то из нас не читал одну хорошую книжку. Да, кто-то не читал, моя *дарагая*. – Эли тоже прикончила свой кофе и со стуком поставила чашечку. И ещё раз серьёзно усмехнулась. – Сама подумай, ведь завтра, понимаешь, завтра кто-то прочтёт, что надо приходить завтра – и придёт послезавтра. А послезавтра он снова прочтёт, что надо приходить завтра. Только это уже будет послепослезавтра. Так что времени у нас сколько хочешь!

Люси ещё больше наклонила голову от такой головоломки.

– Времени у нас сколько хочешь, да?

– Угу! Сколько угодно.

Но от спокойного ответа Люси почему-то засуетилась и стала что-то искать на стойке, под стойкой и даже за кофейным самоваром.

– Сколько угодно? Ничего не угодно! Всё это ерунда. Из книжек. А мы-то, если торопиться. Уже сейчас некогда! Поняла? Собираться в путь и спасать!

– Какая ерунда? Почему некогда? Кого спасать? – Эли даже головой закрутила, ничего не поняла.

– Кого спасать? – Люси на полсекундочки задумалась, она как-то не заметила, что половину слов не успевает сказать, проглатывает. – Хм. Кого спасать?! – она повторила слова и вновь принялась что-то искать. – Кого спасать?! – тут Люси заулыбалась и так подмигнула подруге, будто сразу всё на свете поняла. – Ха! Уж не этого лупоглазого мы будем спасать! Жабу твою большую!

Под конец у неё прямо музыка в голосе зазвучала, а сама Люси вся засветилась от каких-то хитрых мыслей в голове и легко слетела с высокого табурета.

VI

Эли недовольно дернула плечами, ей совсем не понравилось, что Люси сказала: «*Жабу твою большую!*», будто Эли с этим великаном дружила. Ничего она с ним не дружила...

Но Люси над словами не задумывалась, она легко слетела с высокого табурета и стала вытряхивать всё-всё-всё из своего ярко-жёлтого рюкзака. На пол посыпались какие-то листочки, расчески, заколки, фенечки, цветные камушки – много чего, и всё это попадало в небольшую горку. А Люси вдруг бросила рюкзак и заметалась по кофику, захлопала разными дверцами и ящиками. И пока было непонятно, что она ищет, Эли сидела, не двигалась и с тихим интересом смотрела, как подруга разворошила кучу вещей, нашла коробку с красками и кисточками, наполнила склянку водой, взболтала её. Интересно, что ей в голову пришло? Нарисовать что-то? Хм, нашла время! И, странно это, вообще.

– Да-ар! – Эли тихонько потянула подругу за рукав.

– Угу! – Люси даже не повернулась, так была занята.

Эли пожалала плечами, а её подруга снова взялась за рюкзак и, быстро перебирая руками, встряхнула его, перевернула, рассмотрела со всех сторон, размешала зелёную гуашь, и с очень серьёзным лицом пошла красить красивые жёлтые строчки, кармашки и выгачки, и блестящие замочки с цепочками и брелочками. С очень серьёзным лицом, будто только что не было разговоров про погоню, Большую Жабу, про то, что времени нет. Будто Люси только и мечтала последние дни взять да покрасить свой рюкзак. И вот, наконец, нашла удобную минутку. С очень серьёзным лицом. И только кисточка мелькала и размазывала, размазывала зелёное на жёлтом.

А Эли никак не могла понять, что с подругой творится, и растревожилась не на шутку. Сами представьте: сидит себе человек, сидит и вдруг начинает рисовать прямо на рюкзаке, прищуривается, как большой художник, густо кладёт краску на краску, хотя её класть уже некуда – весь рюкзак позеленел, а самые красивые кармашки просто хрустящей корочкой гуаши покрылись.

– Если думаешь, что я, того, с ума... спрыгнула! Можешь не волноваться. – Люси чуть не насвистывала и нацелилась кисточкой в ту часть рюкзака, что была ещё просто зелёной, травяной, а не цвета сказочного болота.

– Может, объяснишь?

– Объясню, объясню, не бойся, – потянула Люси. – Это чтобы прятаться в траве. Помнишь, эта вредная старуха в мультике говорила: «Вы! Лежите на газоне! И вас! Не видно...»

– Помню-помню. Да, помню! – Эли скривила губы и чуть заметно улыбнулась. – Только ещё раньше она сказала: «Хорошо, что вы такой зелёный и плоский». А с такой штуковиной на спине тебя за версту заметят. Или за две, но точно заметят!

– Ладно, не придирайся. Я не на газоне лежать собралась. А тебе! Тебе краски может не хватить. Вот!

Люси почти обиделась, но потом ещё раз окинула взглядом рюкзак, прищурилась и осталась довольна работой. Потом отдала кисточку подруге, а сама понеслась к любимой витрине с пирожными, что часто заменяла ей зеркало. Впрочем, «понеслась» – слово неточное. Люси так и перескакивала по кофику, как шальной кузнечик, в один миг оказывалась то там, то тут, и уследить за ней было ох как непросто. Эли и кисточку не успела перехватить, как её подруга пропрыгала по всему кофику и вдруг резко припала к любимой витрине, и внимательно стала разглядывать...

Что она там разглядывала – всегда было непонятно, но это стекло с пирожными попадалось ей на глаза часто, чаще, чем обычное зеркало. И дело не в том, что в кофике не было зеркала, просто в обычное Люси смотрела не с таким удовольствием, а в витрину – очень даже

мило! – всегда можно взглянуть так, будто тебя сладости интересуют, только сладости, а собственная красота – нет, ни капельки.

И сейчас бы никто не понял, на что Люси любит. Но вдруг в руках у неё появились огромные ножницы и лихо отхватили большую часть её причёски, а остатки стали ровно подстригать, как редкие кустики.

– Господи, дар! Это тебе зачем? – Эли даже заморгала, чтобы ресницами сбросить видение. И решила оставить зелёную краску и свой ещё красный рюкзак, а подругу напоить валерьянкой, чтобы хоть чуть-чуть успокоить.

– Неужели не понятно? – Люси превратилась в хорошенького мальчика и лукаво обернулась. – Этот великан наш, жаба лупоглазая, он нас слишком хорошо разглядел и сразу узнает. А если мы преобразимся как следует, может, и в траве прятаться не придется.

И с этими словами, страшно щёлкая ножницами, Люси потянулась к причёске подруги. Эли сначала дёрнулась, будто бежать собралась, но потом вздохнула и позволила ножницам пройти по своей голове. Люси работала быстро, она вообще всё делала быстро, и через пару минут Эли тоже стала хорошеньким мальчиком – никто бы не поверил, что девочка согласится так себя постричь. А Люси опять осталась довольна работой, но продолжала что-то выдумывать на ходу.

– Угу, угу! Так! – она пальцем ставила точки в воздухе, а потом понеслась к нескольким ящикам сразу и выгребла из них целую кучу джинсов и джинсовых курточек, и шорты, рубашки, бейсболки. – Теперь одежда! Покрасить! Ты оставь немного краски, надо одежду сделать зелёной.

– Да-ар! *Дарагая-я!* Ты что, всё на свете собираешься сделать зелёным?

Свой рюкзак Эли замазывала не слишком густо. Ей не краски было жалко, но от того, как яркая красная ткань любимого рюкзака превращается в скучную зелёную дерюгу, прямо на глазах превращается, Эли печально кивала головой. А словом «дарагая» девчонки обычно дразнили друг друга. Иногда колко, чтобы не крутить пальцем у виска (это ведь невежливо!), иногда – просто подшучивали друг над другом, добавляли чуть заметную шутку в слова. И тогда от колючего «дарагая» оставалось ласковое «дар».

Но сейчас Эли чётко сказала – «дарагая», а Люси даже не расслышала насмешку в словах. Она копошилась и копошилась в джинсовой куче, пока не вытащила самые потёртые курточки с заплатками на локтях и джинсы с разодранными коленками.

– Ну, нет! – Люси жалобным звуком потянула воздух. – Нет, на всё краски не хватит. Придется только эти, протёртые. Зато их не жалко!

Тут она заулыбалась, просунула руку в джинсовую дырку и помахала из дырки пальчиками. И сразу стало ясно, что с её умом всё в порядке, что не сошла она с него и не спрыгнула. Но не успела Эли успокоиться, как Люси отбросила кучу одежды и шальным кузнечиком снова куда-то сорвалась. Куда-то пропала, но почти сразу вернулась с большой раскрытой книгой. Эли уже закончила красить свой рюкзак и теперь с новым интересом смотрела на подругу, пыталась отгадать, что она ещё придумает или в книге разыщет?

– Угу! Угу! В путешествие. В путешествие надо брать...

Люси взад-вперед щёлкала страницами и водила по ним пальцем.

– Угу, вот, нашла! «Человеку нельзя долго лежать на снегу...» Нет, не то. Сейчас найду, вот! «Она использовала все волокна кокосовых орехов...». Нет, это тоже не то, не то, не то! Нет, это тоже не подходит. Угу, вот! «...бросила в кофе кусочек льда, чтобы осела гуща...». Нет, и это не то! Это какая-то неправильная книжка про неправильные приключения!

Люси поджала губы – опять обиделась! – и уже собралась запустить книжку подальше, но Эли потянулась и на секунду остановила подругу, кинула взгляд на обложку:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Белое Безмолвие

и другие...

Последнее слово Эли не успела прочесть – книжка-таки полетела в дальний угол – но и не последних ей хвалило, чтобы промолчать и ещё раз тихонько улыбнуться.

Хотя подруги часто говорили одинаковые слова, и даже понимали друг друга с четвертинки слова, они не всегда делали одинаковые дела. Конечно, когда шла работа в кофике, дело было общее. Но когда находился час-другой для отдыха, Эли и Люси находили разные занятия. Эли обычно устраивалась в большом кресле, которое почему-то называлось «бабушкино кресло», хотя никакой бабушки у девчонок не было. Бабушки не было, а кресло было, и Эли каждый вечер проводила в нём чудные часы, читала любимые книжки, мечтала и думала. Думала и мечтала. А Люси тем временем отправлялась в парк развлечений «Луна», где допоздна работал тир «Барборос» с шестью ружьями и шестью пистолетами. Она брала ружьё или пистолет (по настроению) и много пулек, и весело постреливала в разных чудиков и чудовищ, которые появлялись из темноты, бормотали непонятными голосами или страшно рычали, но никогда не успевали увернуться от Люсиной пальбы. Не было шанса.

Но порой книжка попадала и в Люсины руки. Да, такое бывало, и обычно Люси так увлеклась, что она даже до бабушкиного кресла не успевала дойти, а устраивалась где-нибудь на полу, сидела по-турецки и читала, читала. Но вот какое дело: даже если в руки ей попадалась очень толстая книжка, Люси хватало полчаса, чтобы её прикончить. Не больше. С книгами она справлялась, как с чудовищами в тире «Барборос», – быстро! Страницы так и летали под её пальцами, а глаза пулей носились по строчкам.

Иногда Эли видела в руках подруги знакомую книгу и вспоминала, как она наслаждалась этой книгой целую неделю, смаковала страничку за страничкой. Вспоминала и спрашивала: «Ну как? Понравилось?» А в ответ получала беззаботную улыбку, её весёлая подружка легко отмахивалась: «Подумаешь! Ничего особенного...». И улыбалась. Люси так забавно улыбалась, что сердиться на неё было невозможно. А Эли порой очень хотелось рассердиться и даже нахмуриться, потому что книжки она любила больше, чем клубничное мороженое. Ну, может, не больше, почти так же.

Но сейчас Эли не стала хмуриться, она тихонько вздохнула и спрятала улыбку.

– Ладно, дар, ты собирай еду, чтобы на три дня хватило, а я соберу вещи. Времени мало, джинсы мы после покрасим. Ты не волнуйся, краску я возьму.

Люси кивнула – она уже забыла, что ничего не нашла в неправильной книжке – и зашагала по кофику, размахивая руками, искала и набивала в пластиковые пакеты всякую съедобную всячину, а сами пакеты запихивала в свой совершенно зелёный рюкзак. И только когда он вспух, как воздушный шарик, очень вкусный воздушный шарик, Люси успокоилась и опять осталась довольна.

Правда, со стороны рюкзак выглядел странно. Если бы на него посмотрел какой-нибудь кругосветный путешественник – ну так, случайно – он бы сильно удивился, что из сладкого и круглого аромата выглядывают несъедобные ноги куклы, которая умела говорить «мама-мама» и «уа-уа». А рядом с кукольными ногами из рюкзака торчали колесики совершенно несъедобных роликовых коньков. Но Люси это не казалось странным – напротив, очень даже понятным.

Эли тем временем внимательно и серьёзно набивала свой рюкзак. Она вела взгляд по кофику, вела, иногда останавливалась, задумывалась на секунду, и дальше вела. Но если глаза хватали что-то, что хоть как-то могло пригодиться, это что-то сразу заворачивалось в пакет и устраивалось в рюкзаке. Поудобнее. И через десять минут рюкзак Эли тоже вспух, как не очень вкусный воздушный шарик, и в нём тоже оказались ролики – ну, как без них гоняться за великаном?!

Хотя и без роликов великану пришлось бы туго. Из всех карманов красно-зелёного рюкзака выглядывали, на первый взгляд, самые странные вещи: ножи и вилки, прищепки для белья, верёвки и пять тюбиков суперклея, что в одну секунду крепко-накрепко склеивал всё. Да, всё на свете.

– Ого, тяжесть какая! – Люси потянула свою ношу, а потом сравнила с рюкзаком Эли. Вес получился хорошим, одинаковым, но Люси вдруг ужасно огорчилась и страшно расстроилась. Да, ужасно и страшно – её славное личико с новой стрижкой, как у мальчика, даже сморщилось, будто Люси превратилась в стриженную старушку. И когда удивленная Эли потрясла её за плечо, Люси в ответ только головой замотала в разные стороны и еле выдохнула свою печаль:

– Ой, дар, ой. Кажется, мы зря собирались. Никого мы не догоним. Ничего мы не поднимем. Плиту-то. Без подъемного крана. Мы вот на столечко. Не сдвинем.

Люси медленно, как из тюбика, выдавливала слова, а пальцами показала, что каменную плиту на площадке кофика не получится сдвинуть даже на полноточка. Но Эли почему-то не расстроилась. Она как раз достала два электрических фонарика, один оставила себе, другой отдала Люси и спокойно смотрела – ждала, пока подружка выберется из своего горя. Ждала. А Люси и не думала из него выбираться, будто ей нравилось в нём сидеть. Наконец Эли устала ждать – ей тоже порой не хватало терпения.

– Да-ар! Дар! Ты что, забыла, что у нас там внизу, под кофиком?

– Ну, подвал, – Люси отвечала мрачно, не хотела расставаться со своим горем.

– А в подвале? Что у нас там?

– Ну, всякая всячина, – Люси недоверчиво посмотрела на подругу, не понимала, куда она клонит, только фонарик вертела в руках.

– И куда наш подвал тянется?

– Ну, вперёд. Там, значит, – Люси наконец представила себе подвал и стала мысленно по нему пробираться. – Там, как сойдешь по ступенькам, и сразу! А-а-а! Это, значит, он как раз прямо! Прямо под нашей площадкой! Чёрт возьми!

Эли кивнула двойной улыбкой. Одной подтвердила, что Люси правильно догадалась, а второй показала, что ей совсем не нравится, что подруга ругается – как мальчишка. Но Люси, видно, всерьёз решила превратиться в мальчишку: хлопнула себя ладошкой по лбу, потом свистнула, лихо надела бейсболку и повернула её козырьком назад. И сразу, будто они с Эли обо всем договорились, стала ногой подпихивать рюкзаки к лестнице, что вела в тот самый подвал.

Да, в тот самый, что находился под кофиком. Странно, что Люси про него забыла. Хотя нет, не странно. Маленькие хозяйки редко в нём бывали, он им достался вместе с домиком, и когда домик готовили для двух почётных горожанок, все ненужные вещи перетащили вниз, в подвал. И потом, когда домик переделали в кофик, туда свалили ещё много ненужных вещей. И славные жители Птибудошта, очень добрые, очень любящие двух почётных горожанок, просто не подумали, что подвал может пригодиться в хозяйстве.

Раза два в год подруги в него спускались, чтобы ещё раз убедиться – ни на что он не годен! Вернее, так: он бы очень даже был годен, в нём можно было устроить кладовую для продуктов, можно было поставить огромный холодильник и положить столько полезных вещей... Только вот беда: подвал уже был завален до самого верха старыми бесполезными вещами. Девчонки называли их «сокровищами», старыми, древними, совершенно бесполезными.

Эли и Люси каждый раз вздыхали, когда смотрели на них. И «сокровища» в тёмном подвале тоже смотрели в ответ и тоже вздыхали. Это были резные ножки и спинки поломанных стульев и кресел, целые и разбитые сундуки, дырявые гобелены, свернутые в огромные трубы, и ещё много-много чего. Девчонки смотрели на «сокровища» пять минут и понимали, что им пяти дней не хватит, чтобы всё вытащить и выбросить. И что? Целых пять или шесть дней их любимый кофיק не будет работать?! Этому девчонки даже представить себе не могли. Даже мысль о том, что их кофיק не будет работать хотя бы один день, казалась им ужасной. И потому они только руками разводили – дескать, когда-нибудь потом разберем, но не сегодня. Или двумя руками разводили: одной Эли, а другой Люси. Ну, не было у них свободного времени! Они на вечерний отдых еле находили часок-другой.

Но сейчас это было неважно. Сейчас девчонки не думали, что кофיק придется оставить – может, даже на целую неделю или две. Может, и три недели придется гоняться за этим лупоглазым великаном. Сейчас их беспокоило другое: им надо было не просто заглянуть в подвал, им надо было добраться до дальнего края этого подвала. А там! Ох! Об этом Эли и Люси даже думать боялись.

Но держались они храбро, будто ничто на свете им не было страшно. Они ещё раз окинули взглядом свой уютный кофיק, прошлись по всем его углам, уголкам и даже зажмурились на всякий случай, соображая, чтобы ещё такое прихватить с собой. Но на ум больше ничего не шло, и потому девчонки вздохнули кротко-коротко, заперли двери и потащили рюкзаки по лестнице, что вела вниз.

VII

Лестница вела вниз, в тот самый подвал. Обычно девчонки её быстро проскакивали – через две, через три ступеньки, но сейчас не торопились. Вдруг этот лупоглазый сидит там внизу и ждет их? И ка-ак выскочит! Или ещё какую гадость сделает, жаба такая! От этих мыслей становилось не по себе, но подруги их храбро отгоняли. И от большой храбрости дышали еле слышно, фонарики забыли достать и долго искали выключатель на стенке. Он там словно потеряться решил, радовался, что его не могут найти. И только когда Люси стала сопеть сердито и что-то ворчать про «дурацкий выключатель» – только тогда нашёлся.

Нашёлся и щёлкнул. И под потолком зажглась пара тусклых лампочек в серых кривых колпачках, а в полумраке перед девчонками выросла целая гора старых «сокровищ», покрытых толстой пылью. Гора эта как настоящая выросла, всё собой заслонила, казалось, она весь свет в себя втягивает. Но девчонки и в полутьме смогли понять – место, где великан спустился под каменные плиты, было у дальней стены.

– Дар, нам вот туда надо пробраться!

Эли шептала очень тихо, а пальчиком показала на дальний угол, но Люси её не дослушала и на пальчик не посмотрела. Она стала на цыпочки, дотянулась до ножки жёлтого дивана, что высовывался из горы, и – оп-ля! – через секунду сидела верхом на этой ножке.

– Давай мне рюкзаки, я их здесь прилажу.

Люси говорила так, будто они с Эли всё вместе решили. Впрочем, она не ошибалась: девчонки умели договариваться без слов, порой они просто кивали друг другу и всё понимали, а потом делали дело так, словно в одного человека превращались. И сейчас как будто превратились. Они, почти не глядя, передавали рюкзаки из рук в руки, за ножки «сокровищ» осторожно хватались, на толстую пыль внимания не обращали. Быстро-быстро девчонки добрались до самой верхушки горы, под потолок и там увидели, что дальше гора скатывается в глубокую яму. Не сама, конечно, скатывается – просто в ней глубокая яма образовалась, будто какая-то бомба взорвалась, разорвалась и раскидала старые «сокровища» в разные стороны.

Подруги осторожно, тихонечко сползли вниз, к самому дну, стали на ноги, осмотрелись, но ничего опасного не увидели. И ничего страшного тоже не увидели. Под ногами у них лежали спинки старых кресел, а на одной спинке спокойно перекачивался кудлатый моток из толстой шерстяной пряжи. Круглый и кудлатый.

Люси секунду подумала и недовольно фыркнула – рассердилась. Не могла понять, куда дальше пробираться. Вот они на дне ямы стоят – ямы, которую великан раскопал. Ну да, великан раскопал, кто же ещё? А дальше что? Куда он делся? Он, наверное, тайную дверь нашёл в подвале, или тайный ход. А потом завалил этот ход, чтобы никто не смог за ним погнаться. Это понятно! Но как этот ход найти? Они же не великаны, чтобы голыми руками «сокровища» ворочать.

Люси пару раз наступила на старые спинки и отпихнула кудлатый моток, чтоб не мешался под ногами. Отпихнула и удивилась: моток прыгнул вниз и покатился по ровному кругу – раз, другой, третий – и пропал, будто не было. Люси потянулась за ним, сделала шаг и вдруг замахала руками, словно птичка на сухой ветке.

Конечно, птичка не руками машет, а крыльями. А если сухая ветка под ней ломается, очень быстро машет, чтоб не упасть. Вот и Люси быстро замахала руками, но взлететь не смогла. Она чуть не провалилась вслед за клубком, но каким-то чудом встала на пятки, перегнулась пополам и перескочила на другой край опасной дырки. Клубок в этой дырке исчез, а Люси даже испугаться не успела, только глаза прищурила и застыла. Но потом поняла, что никуда не падает, осторожно повернулась и заглянула в тёмную дыру – удивилась, как она её

сразу не заметила, такую большую. Правда, в этой тёмной дыре ничего не было видно – там, где клубок исчез, было совсем черно.

А Эли в это время смотрела вверх и ничего не могла найти в верхней темноте, пока не догадалась щёлкнуть фонариком и острый лучик направить прямо в потолок. Она провела лучиком по каменным сводам и плитам, что нависли над сводами.

– Смотри, дар, видишь?! – Эли перешла на совсем тихий шёпот, – Этот великан спустился на гору наших «сокровищ». Потом задвинул плиту и стал проход раскапывать.

– Вижу, вижу! – тихо потянула Люси, – Это понятно. А потом он в эту чёрную дыру полез.

– Куда полез?

Люси тоже щёлкнула фонариком, провела лучиком по краям тёмной дыры, чтобы Эли её увидела.

– Вот он куда забрался, наш великанчик. Ничего там не видно!

Да, ничего там не было видно. Острые лучики фонариков терялись, пропадали в густой темени. И от этого у девочек даже мурашки побежали по коже. Побежали, но вдруг замерли: подружки увидели, что от самого края дыры вниз тянутся серые полосы – ступеньки подземной лестницы.

Ого! Лестница под землей! Фонарики заскользили по ступеням: по первой, второй, третьей. Девятую ещё можно было разглядеть, а десятую – только угадать, она еле виднелась в непроглядной тьме, будто лестница началась и сразу закончилась.

– Что-то невесёлая у тебя там картинка внизу, – Эли посветила своим фонариком в подземелье и нахмурила брови, потому что два лучика тоже не справились с подземной темнотой.

И пока она раздумывала – опасно это или не очень, спускаться в подземелье или не спускаться? – быстрая Люси уже взвалила на плечи рюкзак и ногой нащупала первую ступеньку. Потом вторую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую, восьмую, девятую... Десятую она нащупала очень осторожно, не зная, будет за ней одиннадцатая или ничего не будет? Но одиннадцатая ступенька оказалась на месте – там, где должна была быть. Люси обрадовалась, но всё равно не собиралась сильно рисковать: она прицепила фонарик к кармашку курточки и теперь крепко держалась за лестницу, двумя руками.

– Слышишь, дар? – снизу Люсин голос звучал гулко и глухо. – Похоже, здесь долго придется. Спускаться.

– Долго? – Эли вздёрнула брови, перестала их хмурить, поняла, что от хмурых бровей ничего нового не придумается. – Подожди, не спеши, я сейчас! – Она тоже прицепила фонарик к кармашку куртки и отправилась вслед за подружкой.

VIII

Сначала девчонки медленно перебирали ступеньки-полоски – всё боялись непонятно чего, да и оступиться, сорваться было страшно. И, вообще, не каждый день им такая длинная лестница попадалась, да ещё подземная, да ещё отвесная! И распухшие рюкзаки сильно мешали: они тянули вниз и неприятно скребли по подземным стенкам. Но потом неуверенность и страхи куда-то пропали, руки и ноги ловко научились хвататься и перебирать, а ступеньки пошли быстрее.

Эли и Люси с самого начала стали их считать. После девяти было десять. Потом одиннадцать, потом – сорок – сто – двести – триста – девятьсот. А после тысячи счёт сбился и потерялся. Подруги сначала этого не заметили, а когда потеряли счёт, уже было поздно. И тогда они сами немного потерялись, не могли понять – то ли глубоко они ушли под землю, то ли очень глубоко? Девчонки устали, всё чаще зависали на лестнице, включали фонарики и пытались хоть что-то новое в подземелье найти. Но лучики каждый раз показывали двадцать ступенек – десять сверху и десять снизу, и ничего больше, всё остальное пропадало в темноте. Она была очень тёмная, но потом...

– Знаешь, дар? – Люси давно молчала и теперь не узнала своего голоса, он стал глухим и каким-то хриплым. – А темнота наша вокруг стала другой, она немного светится. Да, по моему, светится. Чуть-чуть.

Люси щёлкнула фонариком, выключила его, Эли тоже щёлкнула.

– Хмм! Кажется, ты права. Я тебя почти вижу. Странно, здесь никакого света не должно быть.

Люси дважды щёлкнула, включила и выключила.

– Не должно. Но я тебя тоже вижу. Свет откуда-то идёт, откуда-то снизу.

Девчонки очень внимательно посмотрели вниз, даже глаза прищурили, будто иголку искали, и увидели слабое сияние. И от этого им снова стало немного страшно, но ещё больше – любопытно. Люси чуть не сорвалась вниз, но не сорвалась, а попрыгала по лестнице к слабому сиянию. Она так спешила, что перескакивала через ступеньку-другую, забыв про все подземные опасности. Эли только успела крикнуть – поосторожнее! Но Люси этот крик как бы не услышала. И тогда Эли снова вздохнула и тоже стала быстро спускаться вниз. Конечно, не так быстро, как Люси.

А слабое сияние внизу становилось сильнее. Сильным оно так и не стало, потому что лестница вдруг закончилась. Да, так просто: тянулась, тянулась вниз и закончилась. И привела подружек в небольшую пещеру – она была круглая, а пол у неё был ровный. И теперь стало понятно, откуда шёл слабый свет: это сама пещера светилась – несильно и как бы сама по себе, будто её стены фосфором намазали. Но даже в слабом свете девчонки могли видеть друг друга без фонариков, им даже не надо было вглядываться, щуриться, глаза напрягать.

Впрочем, они об этом не думали. Лестница кончилась, но руки так привыкли хвататься за ступеньки, что и сейчас хотели снова за что-то схватиться. А ноги так привыкли нащупывать ступеньки снизу, что тоже хотели согнуться и нащупать ещё одну. Но лестница кончилась, больше не за что было хвататься, нечего было нащупывать. Эли пошевелила руками-ногами и решила немного постоять, привыкнуть к гладкому полу. А Люси стоять на стала: хотя ноги её плохо слушались, она пошла-заковыляла, пока не упёрлась в стенку пещеры. Потом подумала чуток, щёлкнула фонариком и дальше вдоль стенки пошла, светила лучиком во все стороны, искала что-то.

Так она прошла по небольшому кругу, а когда круг кончился и снова начался, стало ясно, что лестница, хоть и тянулась долго, но никуда толком не привела. Пол маленькой пещеры – он по кругу в стенки упирался. А потолок потихоньку сужался и уходил наверх вместе с

лестницей. И никакого другого выхода, даже крошечного, даже мышшиной норки нигде не было видно. Люси ещё раз пошла по кругу, всё рассмотрела, всё обшарила.

– Странно! – она сбросила рюкзак, привалила его к стене, и сама привалилась. – Странно. Не мог же этот великан сюда притопать и вот так (Люси щёлкнула пальцами) раствориться? Очень это странно.

Эли тоже сбросила рюкзак и ничего не ответила. Она всё стояла, с места не двигалась и думала. Да, думала. Только мысли её по кругу ходили, как Люси вдоль стены. А потом остановились и тоже сказали: «Странно!» Будто поняли, что дальше им некуда идти. Эли даже плечами дёрнула, не любила она, когда мысли в голове стоят. Не любила, и оттого сама решила пойти вперёд, наугад сделала маленький шаг. Потом ещё один. И почти наткнулась на стенку, оцупала её ладошкой. Стена была шершавая, но сухая, не противная. Ладошка двигалась по ней, чуть шурша, и вдруг – стенка разгладилась, все неровности под ладошкой пропали.

Эли посветила фонариком и увидела в стене блеск сероватого света, а в нём свое слабое отражение, будто прямо перед ней в пещере висело тусклое зеркало. Конечно, никакого зеркала там не было, просто часть стены была очень гладкой и свет отражала. Ладошка потянулась, ещё раз провела по гладкой стене. И вслед за движением свет стал ярче, и отражение появилось почти ясное.

– Дар, смо-три! – Эли старалась быть спокойной, но всё равно запнулась от волнения. – Смотри, что я нашла!

Ноги у Люси уже хорошо научились ходить, она подошла к подруге, и тоже провела рукой по гладкой стене, отчего свет в ней стал ещё ярче. И тогда Люси, как хорошая хозяйка, сказала: «Пыль!» Потом пожала плечами и добавила: «Наверное». Она снова провела по гладкой стене, и отражение в ней стало ещё ярче – как в светящемся зеркале. Теперь в пещере было столько света, что фонарики превратились в горящие кружочки, их лучики уже не были видны. От стены с гладким зеркалом шёл свет. И каждое движение ладошек делало его сильнее, ярче, словно стирало невидимую пыль.

Девчонки про всё забыли, такую занятную игрушку нашли, что забыли про всё на свете. Люси водила и водила рукой по зеркалу, а зеркало светилось и светилось сильней. Эли стояла рядом, помогала. Подруги даже про великана забыли, про пленницу, про круглую пещеру, в которой непонятно было, куда дальше идти – разве что обратно домой? Ладошки так и мелькали, а зеркало уже не просто светилось, оно почти горело ярким огнем. И вдруг вся стена вспыхнула, будто загорелась. Эли и Люси еле успели зажмуриться, чтоб не ослепнуть. И ещё долго не решались глаза открыть. Они испугались, сердечки их колотились, но любопытство щекотало изнутри: «А что там в зеркале? Светится оно так же сильно или уже погасло?» А в закрытых глазах расплывались круги разных цветов.

И когда девчонки наконец перестали бояться и осторожно приоткрыли глаза, сквозь разноцветные круги они увидели в зеркале мягкий свет. И это был не просто свет, а картинка, как в кино. А в картинке появилось... Нет! В картинке появился! Очень злой великан с выпуклыми глазищами – точно, большая жаба. На лице его дергался толстый нос, а губы беззвучно шевелились, он что-то бурчал под свой нос. Потом лицо отодвинулось, так что весь великан стал виден, а под распахнутым плащом даже прекрасную пленницу можно была разглядеть. Она всё смотрела в никуда странными глазами, а этот, жаба неумытая, так неласково обхватил её большой лапой. Девчонки пошевелиться не успели, как великан поднял вторую лапу и погрозил им толстым и длинным пальцем. Потом отступил ещё дальше и пленницу затиснул глубже под плащ. Стал пятиться, пятиться, дошёл до стены. И... начал в ней растворяться. И не только растворяться, но опускаться куда-то вниз, словно за стеной новые ступеньки начинались.

Подружки так и застыли. Увидели Большую Жабу и двинуться не могли, стояли столбиками, пока великан не исчез и зеркало не потухло. Еле-еле светиться продолжало.

– Ха! Он нам грозить будет! Это мы ему! Как сейчас погрозим! – Люси встрепенулась и щёки надула от возмущения.

– Подожди, дар, подожди. Тут, кажется...

Эли не договорила, снова чуть нахмурила чёрные брови, пытаясь что-то сообразить. Она провела пальчиком в воздухе черту, ещё одну, словно рисовала картину, словно эта картина помогала ей думать. И вдруг начала пятиться.

Люси с удивлением следила за её шагом, смотрела, как Эли осторожно ступает, как она движется от зеркала к дальней стене. А потом удивление Люси стало совсем большим, огромным – Эли пятилась и пятилась, но как дошла до стены, не остановилась, а вошла в неё спиной и наполовину исчезла.

– Всё понятно! – Эли говорила тихо и спокойно, будто делала что-то обычное. – Всё понятно, здесь можно выйти из пещеры. Здесь лестница продолжается.

Тут Эли неловко махнула рукой и снова нахмурила брови, ей что-то открылось, не очень приятное.

– Дар, дай мне рюкзак, только осторожно. Пожалуйста.

Люси вышла из удивления и подтащила рюкзак поближе к стене, из которой выглядывала половинка Эли.

– Дай мне в руки, я сама не могу взять.

– Почему не можешь?

– Стенка не пускает. Она пускает только в одну сторону, когда в неё пятишься.

– Когда пятишься? – Люси провела рукой по своей короткой стрижке. – А, может, это ловушка?

– Не знаю, я пока только лестницу нащупала. Но мне уже некуда деваться, так что давай рюкзак. Лучше я с ним в ловушку попаду, чем без него. А ты пока тут стой.

Эли по привычке хмурила брови, но всё равно пыталась улыбаться.

– Ну и шуточки у тебя, дар! Ф-ф-фр! – Теперь Люси не стала щёки надувать от возмущения, а просто фыркнула на подругу. – Что, я здесь стоять буду? И ждать непонятно чего? Нет уж, бери свой рюкзак, а я следом за тобой попячусь.

Эли взяла свой перепачканный зелёной краской рюкзак, осторожно протащила его сквозь стену и взвалила на плечи. Очень осторожно. Руками схватиться было не за что, вот она и старалась не упасть. Потом опустила на одну ступеньку, на другую, и наконец смогла руками опереться на гладкий пол.

– Дар, ты только, это, не свались, когда будешь сквозь стену проходить.

– Не свалюсь, *дарагая*, сама не свались. А я сваливаться не собираюсь.

Люси снова фыркнула, взвалила на плечи рюкзак и попятилась сквозь стену. Пройти в неё оказалось совсем просто, будто и не было никакой стены. Люси нащупала ступеньки и тоже осторожно стала спускаться. Очень быстро её лицо погрузилось в каменные трещины, и когда камень сомкнулся, оказалось, что там за стенкой было почти светло, а здесь за стенкой – совсем темно. Зато снизу раздался голос Эли:

– Дар, ты здесь уже?

Люси щелкнула фонариком и осветила макушку подруги.

– Здесь я. А что у тебя там внизу?

– Лестница. Такая же, как раньше.

– Ну, спасибо. Это я сама вижу!

В свете фонарика Люси, действительно, видела очень знакомую лестницу. А больше ничего не видела.

– Здесь больше ничего нет, можешь не вертеть головой.

Люси опять захотела фыркнуть, но скоро сама убедилась, что Эли права, снова у них под руками и ногами была лестница и ступеньки, ничего, кроме лестницы.

IX

Да, за стенкой ничего нового не было. Девчонки уже не пытались считать ступеньки, и так было понятно, что их много, очень много. Руки и ноги опять устали и тихонько ныли – жаловались. А потом прошло какое-то время, и плечи под тяжёлыми рюкзаками тоже заныли, так измучились, что Эли и Люси чуть не вслух стали жалеть бедные свои плечики. Они всё чаще останавливались, переводили дух, светили фонариками, но ничего нового не видели – всё тот же десяток ступеней сверху, всё тот же низу. И ничего больше.

Но вдруг лестница снова закончилась, а подружки попали в новую пещеру. Она была не круглая, а длинная, вытянутая, и секрета в этой пещере не было: в одном конце в неё входили ступеньки, в другом – выходили. Эли и Люси это сразу увидели, потому что новая пещера тоже светилась, даже посильней первой. Увидели, но не обрадовались. Видно, им так хотелось отдохнуть, что они просто мечтали сбросить рюкзаки, подумать, потерять волшебное зеркало – всё что угодно, лишь бы отдохнуть. Плечи под рюкзаками снова заныли, застонали так жалобно, что девчонки сжалились над ними, сбросили тяжесть с плеч и сразу – будто взлетели от маленького счастья. Им так легко вдруг сделалось, каждая косточка распрямлялась и радовалась, что на неё ничто больше не давит. Эли даже глаза закрыла от удовольствия, села на пол и привалилась к своему красно-зелёному рюкзаку. И Люси к своему привалилась, зажмурилась и, не раскрывая глаз, скрипнула молнией большого кармана – вытащила из него пакетик с яблоками и конфетами.

Глаза не хотели открываться, шевелиться было неохота. Подружки молчали, жевали потихоньку. Но через пару минут их глаза сами раскрылись и принялись разглядывать стенки и уголки, искали замурованное зеркало или ещё что-то чудесное. Но ничего интересного не заметили, стенки были просто шершавые, а тёмный выход со ступеньками – он как бы сам говорил, что впереди ещё долгий путь.

– Слушай, дар, интересно. Эта лестница бесконечная или когда-нибудь кончится? Или нам придётся вечно спускаться? Может, она на другой край Земли ведёт? – Люси задумчиво покусывала яблоко, чуть сползла с рюкзака, растянулась на полу пещеры.

– Кончится, – почему-то уверенно сказала Эли, – всё когда-нибудь кончается.

... СЛУШАЙ ... ДАР ... ИНТЕРЕСНО ... ЭТА ЛЕСТНИЦА ... КОНЧИТСЯ ... ДАР ...
... ИЛИ ... ПРИДЁТСЯ ... НА ДРУГОЙ КОНЕЦ ... КОГДА-НИБУДЬ ...
... СПУСКАТЬСЯ ... КОНЧАЕТСЯ ... СПУСКАТЬСЯ ...
... КОНЧАЕТСЯ ... СПУСКАТЬСЯ ... КОНЧАЕТСЯ ...

Слова, что только что негромко прозвучали, вдруг загревели со всех сторон – да так, что подружки не на шутку испугались. Было чего пугаться, на них просто град слов посыпался, целой грудой. И грохотали слова, будто их какой-то Змей Горыныч рычал или ещё кто побольше, какой-то бронтозавр простуженный. Люси так и застыла, лежа с куском яблока во рту, а Эли вскочила на ноги и конфету выронила, да вовремя подхватила.

– Ничего себе! Что это? – девчонки от страха даже головы пригнули и в плечи втянули, как черепашки, и перешли на тихий-тихий шёпот.

... ЧТО ЭТО? ... НИЧЕГО СЕБЕ ... ЧТО ЭТО? ... НИЧЕГО СЕБЕ ...
... ЧТО ... СЕБЕ ... ЧТО ... СЕБЕ ...
... СЕБЕ ... СЕБЕ ... СЕБЕ ...

На этот раз слов было не так много, но звучали они совсем не тихим шёпотом, а таким ревушим шёпотом, что уши от него совсем оглохли, и в глухоте ещё долго звенело и потрескивало. Девчонки ещё сильнее головы в плечи втянули – и страх стал больше, и уши было жалко. Подруги их даже ладошками зажали, потрясли, подёргали, заморгали, затихли. Они озирались по сторонам и прислушивались: как бы на них новый грохот не свалился и совсем не придавил. Но в пещере стало тихо – так тихо, что когда Эли и Люси перестали бояться, они даже какой-то скрип слышали.

Эли нахмурила брови и посмотрела на подругу. Потом по привычке приставила указательный палец к губам, вису, стала водить им в воздухе. Она так всегда делала, когда о чём-то думала, когда надо было что-то сообразить. Эли словно картинку в воздухе рисовала, смотрела на картинку и понимала – что, зачем и почему.

Так она минутку водила в воздухе пальчиком, и вдруг её пальчик замер, а глаза моргнули пару раз. Эли выпрямилась, набралась духу и изо всех сил закричала: «Это что? Эхо?!!»

Очень быстро её слова вернулись и тихо подтвердили: «Это эхо, это эхо, это эхо...»

– Я поняла! – Люси догадалась, о чём Эли догадалась, и тоже заорала, как резаная, во всё горло. – Тут чем громче орёшь, тем тише возвращается это дурацкое эхо!!!

Девчонки прислушались и быстро получили тихий ответ: «Я поняла! Тут чем громче орёшь, тем тише возвращается это эхо...» Эхо помолчало немного и добавило обычным голосом: «И никакое я не дурацкое, сами вы дурацкие».

– Тогда и не пугай нас, а разговаривай нормально, – Люси по привычке фыркнула и чуть надула губы.

– А я не пугаю, я здесь тыщу лет такое. И меня ещё никто дурацким не обзывал, – Эхо тоже фыркнуло и тоже, казалось, поджало губы, но отвечало простым, негромким голосом.

– Ладно, Эхо, ты не обижайся на нас, – Эли всегда умела улаживать споры. – Ты лучше скажи, тут проходил великан, похожий на большую жабу?

– Проходил. Похожий. Жабу. – ответило Эхо и замолчало.

Девчонки немного послушали тишину.

– Ну, ты что? Ты отвечаешь или передразниваешь? – Люси всё ещё сердилась и не могла свою сердитость сдержать.

– Передразниваешь, – ответило Эхо Люсиным голосом, а потом добавило другим, своим. – Будешь так со мной разговаривать, вообще ничего не узнаешь!

Люси опять фыркнула и отвернулась с таким видом, будто ей нет никакого дела до этого противного Эха. И никогда не было! А Эхо тоже замолчало – так замолчало, чтобы всем стало ясно, что-ему-уж-точно никакого дела ни-до-кого-ни-до-чего-не-было-и-нет! Оно здесь уже тыщу лет такое.

Эли попыталась сказать словечко, чтобы помирить Люси и Эхо, но они не думали мириться, только обиженно сопели друг на друга.

– Очень надо, – Люси опять заворчала, – и без него разберемся! Тоже мне, драгоценность подземная. Тыщу лет оно такое. Подумаешь!

Эли ещё разок попыталась успокоить подругу, но Люси разозлилась не на шутку, взвалила рюкзак на спину и, не оглядываясь, пошла к продолжению лестницы.

– И без него ясно, куда дальше идти, сами справимся! Фф-rrrrr...

– Ну-ну, справляйтесь, – ответило Эхо и тоже фыркнуло.

– Справимся, справимся! – Люси успела спуститься на пару ступенек, но снова поднялась и язык высунула, чтоб подразнить.

– Давайте! Справляйтесь! Я ещё погляжу, какой ты язык высунешь, сама себе покажешь!

Эли только руками всплеснула от этой ссоры, но ничего поделать не могла. И она вздохнула грустно, закинула на плечи свой рюкзак и отправилась вслед за Люси.

Х

Люси всё ворчала на Эхо, никак не могла успокоиться. Но потом ворчание затихло, потому что ступенек опять оказалось много, а девочки толком не успели отдохнуть. Лестница тянулась и тянулась: иногда шла вниз, резко, иногда вниз, но не резко, а то вдруг начинала идти вверх или прямо, что было странно. Но совсем стало странно, когда лестница пошла вперёд, пошла и вдруг разошлась в три стороны. Вот так! Как в сказке: «Налево пойдешь – коня потеряешь. Направо пойдешь – счастье своё найдешь...». Да, может быть, найдешь.

В сказках всё просто. Там ты знаешь, что добрый молодец победит, потому что он, во-первых, добрый, а во-вторых, умный. И ещё справедливый. Какую дорогу не выберет, всё равно победит и женится на царевне, даже если она лебедь или лягушка заколдованная. И всё у них будет хорошо. За доброго молодца Эли и Люси не волновались, ни капельки, и за царевну тоже, а вот за себя – очень волновались. Им опять стало жутко в этом подземелье, они даже оглянулись пару раз, проверили – может, на них кто-то смотрит из темноты или не смотрит? А потом сели на ступеньки, свесили ноги и крепко задумались.

– Нет, дар, нечестно это! – после долгого молчания Люси заговорила недовольным голосом и снова замолчала.

Эли не стала спрашивать, что такого нечестного Люси нашла в подземелье. Эли сердилась. Эхо, конечно, само виновато, первое стало их пугать, они чуть не оглохли от его шуточек (тоже мне, шуточки!). Но Люси, она же разумная, могла бы повежливее с ним разговаривать. И вообще быть повежливее. Они здесь чужие, а Эхо уже тысячу лет здесь живёт. Может, и подсказало бы, в какую сторону дальше идти. О-xxx! Может, много чего рассказало. Только теперь уже не скажет. Нет, точно, нет. А без него – поди догадайся, какую дорогу выбрать?

И пока Эли всё это думала, всё глубже уходила в себя, Люси из себя тихо вышла и стала светить фонариком направо, налево, во все стороны.

– Ну да, нечестно, – она опять вздохнула и почесала нос.

– Почему? – Эли пыталась хоть что-то сообразить, ей сейчас вообще не хотелось разговаривать.

– Как почему? Ну, помнишь, дар, у нас в Птибудоште? У нас, если дорога идёт в разные стороны, на ней всякие знаки ставят. Помнишь?

– Помню, *дарагая*, пре-красно помню! «Магазин “Тысяча Пустяков” – налево. Дорога к ратуше – прямо, но она на ремонте, к ратуше лучше пройти по улице Весны». Да? Тебе таких знаков не хватает, *дарагая*!?

Эли запнулась. Она злилась на подругу, хотя ужасно не любила ни на кого злиться. И видела, что Люси сама собой недовольна – понимает, что Эхо не просто так пугало и фыркало. Но от злости не было никакого толку, она только мешала думать, крутилась перед глазами, последние мысли распугивала. И от этого Эли и Люси злились всё больше. И ещё больше. А когда злости стало слишком много, они даже на неё умудрились разозлиться и хором крикнули: «Ну, всё, хватит!»

Потом успокоились. Эли первая улыбнулась:

– Ладно, дар. Придется нам все пути пробовать.

– Как это все?

– Просто! По очереди. Начнем с левого.

– А почему с левого?

– Ну, если хочешь, начнем с правого, только они все одинаковые. То есть сейчас одинаковые, пока мы не знаем, что будет, если направо пойти, если налево, где здесь коня потеряешь, а где коня найдешь.

Люси тоже перестала злиться и смешно вытянула губы:

– А может, вернемся и спросим у этого дурацкого Эха, какой путь правильный? Рядом с ними кто-то громко фыркнул, а Эли грустно покачала головой:

– Нет. Ты же сама знаешь, что опять начнёшь с ним ругаться.

Люси опять почесала нос, насупилась и ничего не сказала.

Подруги перебрались на левую ветку лестницы, перебрались очень осторожно, потому что здесь ступеньки вверх не тянулись и вниз не тянулись, а просто шли вперёд, будто кто-то положил лестницу между двумя высокими домами – по такой лестнице страшно ходить. И девчонкам было страшно, но только наполовину: из-за темноты не было видно, долго им так шагать или не очень? И ещё не было видно, что там под лестницей – далеко лететь, если упадешь, или не очень? Страшно было наполовину, и потому подруги почти не боялись, перешагивали, раскинув руки в стороны – чтобы лучше держать равновесие.

На этот раз Эли первая шла, а виноватая Люси вслед за ней перескакивала по ступенькам. Лестница тянулась вперед, но потом быстро пошла вверх и опять закончилась. Она привела подружек в настоящий подземный ход: такой длинный, такой круглый, такой гладкий – даже странно было, куда все подземные неровности пропали. Стенки тускло блестели при свете фонариков, они были матово-белые, очень красивые, с красными прожилками.

Но девчонки смотрели на эту красоту ровно две секунды. Потому что ровно через две секунды поняли, что этот ход был не просто кругло-гладко-длинным. Он был жутко скользким, будто его маслом намазали! Да! Как будто кто-то недобрый взял и намазал маслом не только пол, но и стены, и потолок – девчонки до него руками доставали. И ладошки скользили по гладкому потолку, пытались ухватиться за стены, но не могли, не за что было схватиться. И ноги тоже проскальзывали, разъезжались в стороны, как у малых телят.

Пробираться по этой трубе было ужасно трудно, ноги не слушались, руки не помогали. Здесь каждая стена незаметно стекала в пол, пол поднимался в другую стену и дальше – в потолок. И так по кругу, по кругу – голова кружилась, и стоять на месте было нелегко, а шагать – очень непросто. Девчонки чуть не падали и потому руками резко дёргали и ногами, будто захотелось им дикий танец станцевать. Но как бы не было трудно, они медленно, шажочками, половинками, четвертинками упорно двигались вперед, вперед. И, к счастью, труба оказалась не такой длинной. Она шла прямо, потом изогнулась, а за изгибом расширилась и вниз пошла. И девчонки съехали вниз, как с ледяной горки.

Съехали и сразу остановились, потому дальше горка-труба решила наверх подняться. Она словно издевалась! Или ей всё равно было – что вниз тянуться, что вверх. Но маленьким подружкам это было не всё равно, ох как не всё равно. Ладонки и кроссовки старались зацепиться за стенки и скользкий пол, но ничего, почти ничего у них не получалось. Хорошо, что новая горка была не совсем гладкая. На ней были маленькие уступы и бугорки – вот к ним ладонки, кроссовки, локотки и колени еле-еле могли прилипнуть. И потому подруги всё же ползли вперед и вверх – как черепашки, карабкались, сопели, пыхтели, чудом держались. Чудом! Но с каждым маленьким незаметным движением им становилось труднее и ещё труднее – даже не карабкаться, а просто держаться. А противная горка задиралась круче и круче, и девчонки боролись с ней, сколько сил было, боролись, но в какой-то миг не выдержали! Люси плюхнулась на живот, и стала отчаянно хватать руками – хоть что-то хотела схватить. И схватила, конечно, схватила Эли за ноги. И тогда Эли тоже плюхнулась, и девчонки быстро поехали вниз с горки ногами вперед.

Фу-ух! Какое-то время они лежали, не шевелились, набирались сил, приходили в себя. Потом сели.

– Фу-ух! Не получится так, не получится! Надо что-то очень хитрое придумать, что-то очень хитрое.

Эли это про себя сказала, а Люси – вслух. Она наклонила голову, будто решила бодаться и смотрела на горку-трубу, как на вредную-превредную. Только ничего не могла придумать, непонятно было, как эту вредину победить.

Эли тоже не знала, что с этой врединою можно сделать, но отдышалась и упрямо полезла вверх. И Люси и тоже полезла. Они снова ползли и боролись, чудом держались, стонали и охали. Но как добрались до черты, где держаться было невозможно, опять плюхнулись и поехали вниз ногами вперёд. Или ногами назад, можно и так сказать.

Потом они ещё раз попробовали и опять плюхнулись. Потом ещё и ещё, и ещё раз. Упрямства у девчонок было много, но трубе это было как-то всё равно. Она была просто крутая и скользкая – как ни старайся, ни за что надёжно не зацепишься. И потому девчонки чувствовали себя ужасно беспомощными – как букашки, что карабкаются на веточку, карабкаются долго-долго. А потом лёгкий ветерок налетает и стряхивает их на землю – букашек. Обидно! И лежат они брюшком вверх, только лапками шевелят. А поделатъ ничего не могут, что ж букашка можешь поделатъ?

Не то десять раз подруги пытались одолеть вредную трубу, не то двадцать, но... не одолели. В каждый раз, в каждой попытке появлялась маленькая надежда, что ещё чуть-чуть, что ещё вот-вот, и они доберутся до невидимой чёрточки, где труба им уступит, перестанет быть крутой и вредной. Но она почему-то не переставала, и маленькая надежда пропадала, когда подруги скользили с горки обратно вниз. И чего они только не испробовали! Прилипали к гладким стенкам, вытягивались во весь рост, держались за потолок, дрожали и охали, до боли кусали губы. И всё это – чтобы медленно, медленно доползти вверх до невидимой черты, а потом быстро и просто съехать вниз.

– Всё, дар! Всё! Кажется, этот путь мы проверили. – Люси лежала на животе, даже переворачиваться не стала. И слова не говорила, а сипела сквозь зубы. – Ничего мы тут не найдём, только потеряем...

Тут Люси перестала сипеть. Просто сжала губы и рот скривила от обиды. Из уголка правого глаза у неё поползла маленькая слеза.

– Да. – Эли села на свой рюкзак. Сейчас отдохнем немного, дар. И обратно пойдём. Да не плачь ты. Бог с ней, с этой трубой вреднучей. У нас ещё две дороги остались.

– Кто плачет? Я плачу!?! – Люси вдруг рассердилась, так рассердилась, что даже обижаться не стала. – Ну, я ей сейчас покажу!!!

Она крепко стиснула зубы, зажала губы, сбросила рюкзак с плеч, громко сказала: «Ух!» – и бросилась бежать вверх по трубе. Бросилась, будто собралась взлететь. И взлетела! То есть почти. Она добежала до той самой невидимой чёрточки, где силы кончались, где уже двадцать раз стало понятно, что не сладят они с трубой. Люси добежала до этой черты и почувствовала, что на этот раз она победила! Ура-аааа-урааа-ууууу!

В этот миг она поскользнулась, плюхнулась на живот и, смешно хватая руками скользкую вредину, поехала обратно, врезалась ногами в свой зелёный рюкзак, налетела на Эли, сбила её, как кеглю. И в одну секунду всё повернулось, перевернулось, запуталось, закувыркалось большим клубком, из которого только руки и ноги торчали и дёргались. Руки и ноги.

– Всё, дар! Всё! Хватит пытаться, эту дорогу мы точно проверили.

Эли барахталась где-то между Люси и двумя рюкзаками, никак не могла высвободиться, но почему-то развеселилась, а потом стала хохотать и всхлипывать одновременно.

– Не знаю, чего ты смешного нашла.

Люси наконец выбралась из комка и поползла от него, сердито отпихивая ногой рюкзак, но он цепко поймал её ногу зелёными ляжками. Люси ещё раз мрачно оглянулась – на рюкзак, на Эли, что уже не могла смеяться, сил не было, только охала и утирала слёзы. Это было не очень смешно, но Люси почему-то тоже начала прыскать смехом. Всегда так было: если одна подруга смеялась, другая не могла удержаться. Видно, по-настоящему злиться и сердиться они

не умели, а смехом себя так заводили, что остановиться не могли. Хохотали, пока, казалось, вот-вот – и губы, и щёки отвалятся. И живот тоже отвалится.

И сейчас они нахохотались вволю и утешились. Потом отдышались, пожевали на дорожку конфет, выпили пару глотков ещё тёплого кофе из термоса. И уже без всякой задумчивости отправились обратно, на распутье.

XI

Эли и Люси отправились обратно – туда, где странная лестница тремя ветками разошлась. Они знали, что ждёт их на обратном пути: сначала надо будет забраться на маленькую горку, а потом пройти по не очень длинной, но жутко скользкой трубе. Когда девчонки шли по ней в первый раз, она им такой показалась – жутко скользкой. Но сейчас они на гладкую горку взобрались без особого труда, и по трубе пошли почти как по ровной дороге – как будто труба перестала вредничать, будто поняла, что подруги уже не будут с ней бороться.

– Ну что, теперь направо попробуем? – девчонки легко добрались до развилки, и настроение у Люси заметно улучшилось.

– Давай направо, – согласилась Эли, – всё равно придется туда пойти, если прямо не получится.

Эли говорила, чуть улыбалась – не было повода волноваться. Но почему-то на душе у неё было не очень спокойно, словно что-то тяжёлое на душу положили, а что-то непонятное скребло изнутри, будто спрашивало чуть слышным голосом: «Что, *дарагая?* Думаешь, на правой дороге будет всё хорошо, да?» Эли не знала, что можно ответить этому голосу, но пугаться сильно не стала. Секунду подумала и решила, что не стоит доверять всяким голосам. Может, они верно подсказывают, а может так – попусту пугают. Никто этого не знает! И потому Эли отбросила лишние мысли и отправилась вслед за Люси, которая больше любила делать, чем раздумывать, и уже ловко шагала по ступенькам, что вели направо.

Девчонки быстро проскочили ровный кусочек лестницы, забрались наверх. А дальше и догадываться особенно не пришлось – ступеньки кончились и перешли в подземный ход с гладкими стенками, правда не такой скользкий. Эли и Люси думали, что впереди их ждёт маленькая горка, но как подземный ход расширился, глаза у девчонок тоже расширились и в разные стороны разошлись.

Подруги снова оказались в небольшой пещере, совершенно круглой, с гладким полом. И в ней, как четыре огромные норы, темнели четыре подземных хода. Из одного подруги вышли, это был знакомый ход. А остальные три были совсем незнакомые. И какой из них выбрать? По какой дороге дальше пойти? Это было совсем непонятно.

– Ох, да-ар!

Девчонки еле слышно выдохнули «Ох, да-ар!» одинаковым шёпотом. Они так расстроились, что сразу лишились сил, и на гладкий пол опустились, не заметили как. Если раньше, в противной трубе было тяжело карабкаться, но хоть понятно куда. То теперь куда? Что, опять? Все пути по очереди пробовать? Мысли у подруг зашептались, зашептались, но одна из них громче других шептала: «Не найдете вы здесь верной дороги. Поворачивать надо, поворачивать, пока не поздно. Иначе худо будет. Поворачивать надо...»

А потом эта мысль уже не тихо – громко заверещала. И от этого девчонкам захотелось обратно побежать. Да не просто побежать, не просто обратно, а совсем обратно: по длинной-долгой лестнице наверх, наверх, в родной спокойный кофик, в родной чудесный Птибудошт, где никогда ничего плохого не было, не случалось, и только однажды появился дурацкий грубиян-великан и всё испортил...

В эту секунду девчонки вспомнили про великана, как он разломал, как он разбил, нагрубил, наругался. Как он красавицу тащил своей огромной лапой. Девчонки всё вспомнили и сразу встрепенулись. И вскочили на ноги, все подземные страхи забыли, будто и не было никаких страхов.

– Нет уж, фигушки ему!

– С маслом!

– Рано ему радоваться!

- Будто нас запугать!
- Это сам он пускай!
- Нас боится!
- Подумаешь, тоже мне чудо-юдо великанское!
- Будто мы дорогу не найдем!

Тут Эли замолчала и подняла вверх палец, а сама нахмурилась. Видно было, как она вспоминает что-то, вспоминает...

– Да! Вспомнила, дар. Путешественники, когда попадают в лабиринт, они мелом отмечают проход, откуда пришли. Тогда заблудиться невозможно!

Эли даже улыбнулась, видно, ей приятно было – не зря она столько книг прочитала. Правда, у неё не было мела, но зато был красный фломастер. И чёрный, и синий, и зелёный – четыре толстых фломастера в одной упаковке. Эли достала два и, вздёрнув голову, пометила проход двумя красными крестиками, тот проход, из которого они вышли. Только на гладкой стенке, будто сделанной из мутного стекла, фломастеры плохо рисовали. Стенка здесь была не только гладкая, но и чуть влажная. И фломастеры оставляли еле видные следы, но всё равно красные крестики можно было разглядеть. Эли ещё немного подумала и нарисовала вокруг крестиков круг – зелёный – чтобы их лучше было видно. Потом посветила фонариком справа, слева, убедилась, что крестики заметны и, довольная, направилась к другой стене, где подземный ход казался побольше остальных.

– Дар, мы по средней дороге пойдём, ладно? Может, так быстрее куда-нибудь доберёмся. А нет – тогда другие попробуем.

Люси кивнула и, пока Эли ставила перед входом один зелёный крестик, первая юркнула в средний ход и весело по нему зашагала. В этой подземной трубе по гладкому полу было идти совсем несложно, даже когда она чуть задиралась вверх или вниз опускалась. Совсем несложно... но тут!

Гладкий пол вывел подружек в ещё одну пещеру. И в ней снова оказалось три новых хода. Но теперь девчонки не стали расстраиваться, огорчаться. И медлить тоже на стали – просто отметили двойным красным крестиком ход, откуда пришли, и опять выбрали среднюю дорогу, и поставили у входа новый зелёный крестик.

И снова зашагали, фонариками весело разгоняли подземную темноту. Весело-весело! Весело... хотя следующая комната их снова озадачила. В ней появились уже не три новых хода, а целых пять. Подруги задумались, но опять ненадолго – снова выбрали среднюю дорогу. Но следующая комната открыла им сразу шесть новых ходов. Это было не по правилам, потому что среднюю дорогу из шести выбрать никак не получалось. Но Эли и Люси так славно шагали, что и сейчас постояли секунду и пошли в тот ход, что просто казался побольше других. Ничего страшного, что ходов много: если пометать их крестами, тогда не заблудишься! На душе у них снова стало хорошо. Если понятно, что делать и как делать, всё кажется не таким и сложным. Главное – идти, не печалиться, а дорога уж точно куда-нибудь приведёт.

Так подружки шли вперёд, и шли, и шли, и шли. И откуда только взялась смелость? И куда девалась осторожность? Почему дорога казалась им правильной? Дорога в бесконечных проходах, которым счёт давно потерялся. Ну и что, что потерялся? Главное правильно ставить крестики. А потом можно храбро шагать, ничего не бояться. И шагать будет легко... но тут...

– Стой, дар! – Эли и Люси разом остановились и одним движением друг друга одёрнули.

Одёрнули, потому что фонарики у них заморгали, и вместо острых лучиков от них какой-то тусклый свет пошёл. Теперь это даже не фонарики были, а круглые окошки, где чуть теплились маленькие лампочки. Девчонки ойкнули и от испуга прислонились к круглой стене.

– Стой, дар, стой.

Эли это каким-то чужим голосом прошептала. Правда, она хотела показать, что ей не очень страшно, но получилось у неё так себе, не очень – голос был негромкий, и слышно было,

как он дрожит, явно не от радости. Эли обвела языком сухие губы, помолчала и таким же чужим голосом добавила: «Дар, ты пока выключи пока свой фонарик, да? Он, наверное, скоро сил наберётся и ещё посветит, да?»

Люси хотела что-то ответить бесстрашным голосом, но только пискнула, а ответить не смогла. Фонарик выключила и губу закусил. Теперь ей всё не обидным казалось, а таким – страшным. Наконец, она заговорила, тоже не своим голосом.

– Вот, дар. Этот путь мы тоже, да? Проверили, да? Теперь бы выбраться отсюда. Да?

Эли кивнула и выключила свой фонарик. Полная темнота окружила девчонок, а Эли вдруг поняла, что с такими тусклыми фонариками они каждый крестик два часа будут искать. И ещё хорошо, если увидят, что это зелёный крестик, а не красный. Они и так были еле заметные, эти крестики, даже когда фонарики ярко светили. А если они вообще перестанут светить?

Тут Эли ещё раз поняла, насколько всё нехорошо. И Люси это поняла. И девчонкам стало так страшно, что они ещё раз прижались к круглой стенке и медленно по ней съехали – на пол, будто ноги их не держали. Подруги сползли по стенке и сидели в полной темноте, долго сидели, долго-долго. Может, ждали, что фонарики сил наберутся или ещё что-то хорошее случится?

Но ничего не случилось, подземная темнота светлее не стала. И тогда девчонки перевернулись и на четвереньках поползли назад, очень осторожно, к последней пещере – страшно было в полной темноте двигаться. Сколько времени прошло, пока они добрались до круглой пещеры, сложно сказать. Может, полчаса, может, целый час. Но они добрались до круглой пещеры и там увидели...

Ничего они там не увидели! Темно там было! И только память рисовала, что со всех сторон на них смотрят совершенно одинаковые подземные трубы. Кажется, в последний раз их девять было или десять. Господи, как много! И где крестики искать? Ой, беда!

Эли щёлкнула своим фонариком и Люси щёлкнула своим. Но фонарики никакой силы не накопили, только заморгали жалобно, вот-вот погаснут. И девчонки тоже заморгали, они не просто испугались, им сейчас всё казалось таким ужасным, что даже руки-ноги похолодели, может, даже инеем покрылись. Эли посмотрела, как фонарик дрожит в её руке... и выключила. И Люси свой выключила. И полная темнота, которой и раньше было много, теперь совсем подружек обволокла, густой-густой стала, казалось, её потрогать можно.

– Дар, и чего ж нам теперь делать? – голос у Люси был такой, будто она умерла. И не один раз, а два раза.

... ДАР ... ДАР ... И ЧЕГО Ж ... И ЧЕГО Ж ...
... НАМ ... ТЕПЕРЬ ... ДЕЛАТЬ ...

Люсин голос вдруг повторился. Только зазвучал он ещё жалобнее, чем только что. Девчонки по привычке посмотрели друг на друга, но ничего не увидели, темнота вокруг была – хоть глаз выколи.

... ДАР ... ДАР ... И ЧЕГО Ж ... И ЧЕГО Ж ...
... НАМ ... ТЕПЕРЬ ... ДЕЛАТЬ ...

Тот же голос вкрадчиво повторил слова, но на этот раз он меньше походил на Люсин.

– Это ты? – замирающими губами прошептали девчонки.

– Это я! – весело ответил голос и добавил. – Ну что, дошли, куда хотели? А ведь кто-то предупреждал, что худо придется. Только кто-то на эти слова вот такой язык высунул.

Люси и Эли ничего не смогли ответить, как воды в рот набрали. Да и что тут ответишь? И молчание помолчало, и превратилось в такую тишину, что в ней только и слышно было, как сердечки у девчонок стучат – как два больших будильника, что вот-вот зазвенят, последние секундошки отсчитывают. Подруги слушали свои сердечки, а заговорить не решились – страшно было, что Эхо подразнит и совсем уйдет.

– Ну что, так и будем сидеть в темноте? Смотрите, мне-то спешить некуда, я тут уже тыщу лет живу.

– Это ты, Эхо? – Эли даже не поняла, зачем она это говорит. Или не говорит, а беззвучно губами шепчет.

– Да я это, я! Кто ещё с вами возиться будет? – Эхо всё время дразнилось, видно, у него такая привычка тыщу лет была.

– Ну ты, того, извини нас, пожалуйста.

Эхо помолчало, будто ему всё равно. Но всё-таки чувствовалось – приятно ему, что девчонки извиняются.

– Очень надо на вас обижаться, тоже мне...

Да, теперь слышно было, что Эхо довольно, в его голосе меньше стало маленьких дразнилок.

– Да ты всё равно прости.

Сейчас девчонки и не думали веселиться, но их слова хором зазвучали.

– Да простило уже, простило. Хватит нюни разводись, – голос у Эха стал обычным. – Так что-о вы теперь делать будете?

– Да не знаем мы.

– Может, подсказать? Или сами выберетесь?

Люси и Эли опять ничего вымолвить не смогли.

– Ну, ладно, как хотите. Я тогда по своим делам пойду.

Девчонки послушали тишину, и вдруг заорали вслед уходящему Эху:

– Стой, Эхо! Не уходи! Как нам отсюда выбраться??!!

Их крик отозвался тихим эхом, совсем другим, а старое Эхо словно остановилось и обернулось:

– Ну чего вы орете так? Чего? У меня аж уши заложило!

В его голосе снова послышались знакомые дразнилки.

А подруги обрадовались, ужасно обрадовались, что Эхо их не бросило. Люси даже забыла про недавние страхи и заворчала:

– Ну ты чего, опять дразниться будешь?

Тут Эли пихнула подругу локтем в бок, сильно пихнула, а Эхо крякнуло и обиженно засопело.

– Эх! Ну, не будь я такое доброе, так и бросило б вас здесь. Вот бы покуковали! Ох, да ладно, от доброты от своей никуда не денешься. Не хочу, а придется. Подскажу, а то ещё разревётесь со страху.

Люси надула щеки, чтобы ответить, но Эли снова её в бок пихнула, так сильно, что Люси закашлялась.

– Эхо, ты это, ты не сердись на нас. Скажи просто, как нам отсюда выбраться. Или выведи нас отсюда, – пока Люси кашляла, Эли всё это быстро проговорила.

– Вот ещё, выводить я вас буду. Сами выберетесь.

– Как же мы выберемся? – Эли больше не стала пихаться, а сильно сжала Люсину руку.

– Как пришли, так и выберетесь.

Эхо помолчало немного, послушало, как девчонки испуганно сопят, и добавило:

– Тута в двух шагах ваш старый знакомый лежит, он-то и выведет.

Слова эти прозвучали и затихли. Подруги прислушались, ждали, что Эхо ещё что-нибудь добавит, но ничего не дождалось. Видно, Эхо сказало слова и совсем ушло. А молчание и тишина с темнотой снова сгустились. Наконец подруги перестали ждать и кое-как начали шевелиться. Эли щёлкнула фонариком, он засветился, слабо засветился, но темноту чуть разогнал. Девчонки повертели головами и увидели...

XII

Девчонки увидели, что рядом с ними, прямо в одном шаге, спокойно-преспокойно лежит их старый знакомый – кудлатый моток из толстой шерстяной пряжи. Клубок! Люси ещё наверху его ногой пихнула, в подвале. А он покрутился и в чёрную дырку полетел. Что с ним дальше было, подруги ясно увидели, как в кино. Клубок падал и прыгал, прыгал по ступенькам, потом попал в первую пещеру, покатился по ней, покатился до стенки, в которую можно было войти, но нельзя было выйти. Потом он дальше полетел и запрыгал, промчался по второй пещере, где Эхо дразнилось, быстро добежал до края, где снова начинались ступеньки, поскакал по ним, а на распутье сразу повернул направо, до гладкого хода. И дальше катился, катился по тем дорожкам, что Эли и Люси так упрямо выбирали, пока их фонарики не начали гаснуть, не испугали их до смерти.

Фу-ух! От этих видений у девчонок по коже мурашки побежали. Но зря побежали, на них никто внимания не обратил, и без них тревоги хватало. Девчонки смотрели на фонарик Эли и видели, что он посветит ещё чуть-чуть – и всё! А потом что? Фонарик Люси чуть посветит? А потом в вечной темноте сидеть? Б-рррр.

– Как же нам его обратно повернуть?

Люси потрогала клубок, осторожно, и от легкого касания он чуть в сторону повернулся, застыл на мгновение. Люси хотела снова до него дотронуться, но он в другую сторону повернулся и покатился тихонько.

Теперь раздумывать было некогда – клубок катился, не останавливался и стал исчезать, растворяться в темноте. И тогда Люси и Эли быстро-быстро, ещё на четвереньках поправляя рюкзаки, поползли его догонять, чтобы не потерять, не потеряться. А кудлатый моток их не ждал, набирал скорость, девчонки еле за ним поспевали.

– Дар, слушай. А, может, это Эхо нас, того – обмануло? Вдруг этот кудлатый нас так заведет, что мы вообще никогда отсюда не выберемся?

И не успела Люси это сказать, как Эхо, которое и не думало никуда уходить, обиженно заворчало:

– Вот ещё глупости, тоже мне, надо мне вас обманывать! Вы и так уже сто раз заблудились.

Люси вспыхнула и чуть не выпустила в ответ что-то колючее, ядовитое. Но вовремя спохватилась – всё-таки Эхо пришло на помощь, когда совсем стало плохо. Она хотела по-другому сказать, но поняла, что лучше молчать, мирный разговор у них никак не получался.

– Эхо, ты не сердись на нас. – Эли вовремя вставила словечко. – Мы просто испугались сильно-сильно, вот и лезут в голову разные глупости.

Эхо фыркнуло в ответ, совсем как Люси, видно, от неё и научилось так фыркать. А кудлатый моток всё катился и катился по бесконечным переходам. И девчонки уже спокойно шли за ним, даже не спешили. Только удивлялись, как обратный путь не похож на прямой. Моток не выбирал средний ход или тот, что казался побольше других, он просто катился и то правую дорожку выбирал, то среднюю, то левую. И невозможно было понять, почему он их выбирает. Никаких знаков девчонки разглядеть не могли: слишком темно было, фонарик еле светил, еле показывал, как клубок катится. Но кудлатый так уверенно выбирал путь, будто знал дорогу, будто уже сто раз по этой дороге прокатился. Будто на его пути невидимая ниточка была натянута, а он за неё держался. Эли даже нагнулась и рукой провела, проверила – есть там ниточка или нет? Но никакой нитки там не было.

Ну и ладно, не было и не было. Главное, чтобы клубок не заблудился. И ещё фонарик девчонок всё больше беспокоил, он всё тревожнее своим огоньком моргал, будто задыхался.

– Дар, давай теперь я свой фонарь включу, а ты свой выключишь. Теперь я буду светить, пока твой сил наберётся.

Эли кивнула Люси, и они в одну секунду перещёлкнули фонариками. И в этот самый миг клубок их вывел обратно, туда, в большую пещеру, где лестница пустила три ветки. И поскакал вниз по ступенькам. Вниз, вниз, вниз, вниз и... провалился под лестницу.

Девчонки за ним следили, следили, как он прыгает. Даже головами кивали всё ниже и ниже, пока он прыгал. И в тот миг, как он провалился, их головы застыли, замерли с широко раскрытыми глазами. Подруги, конечно, ждали, что что-то произойдет, что-то должно произойти. Но что кудлатый моток под ступеньки провалится – этого они угадать не могли. Но моток обратно не выскочил, так что девчонкам пришлось очнуться, осмелеть и даже улыбнуться.

– Всё понятно, дар! Теперь только одна дорога осталась. Средняя.

Люси так уверенно это сказала, что Эхо опять фыркнуло и тихонько засмеялось.

– Ничего смешного! – Люси сердито посмотрела в ту сторону, где Эхо смеялось.

– Очень смешно! – отозвалось Эхо, чуть не заливаясь смехом.

– Ты что хочешь сказать?

– Я? Вообще ничего не хочу! – Эхо голосом изобразило, что ему совершенно всё равно. –

Ну а вы, ежели решили здесь до конца жизни бродить, так скатертью дорожка и попутного ветра.

Люси насупилась. Очень ей хотелось сказать что-то обидное, такое обидное, чтобы Эхо заткнулось. Но она так и не решилась, только ещё раз сердито посмотрела в сторону Эха. А Эли тем временем привычно морщила брови, у неё всегда так получалось, когда она что-то разгадывала.

– Эхо! – тихонько позвала она. – Разве тут есть ещё какая-то дорога?

– Тут есть... ещё... какая-то... дорога.

Эхо не просто ответило, а таким певучим голосом отозвалось, будто песенку пропело. И совершенно было непонятно, то ли подсказывает оно, то ли снова дразнится. А потом Эхо вдруг засопело и добавило:

– А вообще, я и так целый час с вами провозилось, будто делать мне нечего. Знаете, дальше уж сами выбирайтесь. Только, *дарагие* мои, попробуйте чуть мозгами пошевелить, а то вы всё ногами шевелите и шевелите. Да всё без толку.

Это Эхо вредничало. Само раньше говорило, что тысячу лет здесь живет, а теперь – смотрите, какое! – вдруг некогда ему стало, будто и впрямь дел невпроворот, будто сто человек его в очереди дожидаются. Люси от этого снова рассердился, но Эли успела её одернуть.

– Эхо, ты еще здесь?

– Эхо, ты еще здесь? – голос Эли в точности повторился.

– Наверное, ушло Эхо.

– Наверное, ушло Эхо, – голос Эли опять точно-точно повторился.

– Ну и ладно, и хорошо, и без него справимся, – Люси решила больше не молчать, но её голос почему-то не повторился.

Но Люси уже как бы забыла про Эхо, что-то придумала. Она слабым светом подсветила себе дорогу и по ступеням добралась до того места, где кудлатый моток провалился под лестницу, стала на коленки и попробовала рассмотреть, что там под ступеньками – есть что или нет ничего? Но с тусклым фонариком у неё ничего не получилось, и тогда Люси просто вытянула руку и попробовала нащупать – что же там под ступеньками?

– Знаешь, дар, а здесь, похоже, ещё одна подземная труба, такая же, как справа и слева.

– И куда она тянется?

– Не знаю. Кажется, прямо она тянется.

Эли ещё секундочку поморщила брови, а потом осторожно добралась до подруги и тоже стала водить рукой по трубе под лестницей.

– Да, такая же, очень похожа. Знаешь, дар, – наконец решила она, – раз моток туда провалился, нам надо за ним идти.

– Это понятно, – Люси так ответила, будто ей всегда было понятно, что выбираться из подземелья надо через ход, спрятанный под средней лестницей.

Девчонки осторожно пролезли под ступеньки и ногами нашарили твёрдый пол. Новая труба была не такая скользкая, как прежние, даже совсем не скользкая, и, действительно, прямо тянулась. И тут подруги почему-то почувствовали, что эта дорога их точно выведет на свет; может, потому что от подземной тьмы они жутко устали. Они стащили рюкзаки вниз, попробовали их на спины надеть. Но не тут-то было – под лестницей и выпрямиться толком не получалось, и без рюкзаков пришлось скрючиться. А с рюкзаками – ну, никак не удавалось закинуть их на спину. Девчонки пытались их надеть на корточках, на четвереньках, даже лёжа. Но в тесной трубе у них ничего не получалось, они только извивались, как червячки, пытались встать и падали.

– Вот ещё... забота!

Люси радовалась, что новый путь нашёлся, но её фонарик снова начал тревожно мигать, будто шептал, что у него совсем мало сил осталось. И от этого радость быстро прошла. Впрочем, настроение у Люси часто менялось. Она провела слабым лучиком по стенам, потрогала их ладошками и вдруг сама так и засветилась счастливой улыбкой.

– Слушай, дар! А что, если нам ролики надеть?

Эли от удивления наморщила лоб. И глаза свои зелёные сжала – прямо узкие щёлочки остались вместо глаз. Ролики надеть? Хм. Это как-то странно звучало – как не смешная шутка. Но Эли точно знала, что Люси сейчас не будет шутить. В этой пещере, с фонариком, что вот-вот погаснет, какие ещё шутки?

– Смотри, всё просто! – голос у Люси повеселел. – Труба хоть и не скользкая, но ровная и гладкая, словно её специально для катания сделали. Ничего страшного не будет – мы наденем ролики и покатаемся осторожно, за ступеньки будем держаться. Или за стенки. Руками. А потом – посмотрим.

– На что посмотрим? – Эли всё не верила, что ролики им помогут.

– На всё посмотрим, что из этого получится! Вот!

Люси прямо заново родилась: недавно дрожала от страха, тряслась и пищала, как цыпленок, а теперь стала говорить быстро, как обычно, от всех осторожных вопросов – отмахиваться. Она уселась на гладкий пол и преспокойно вытащила ролики. Эли ещё хмурила брови, но мигающий фонарик её поторопил. Девчонки быстро нацепили коньки на ноги, кроссовки спрятали в рюкзаки, фонарики снова прикрепили к кармашкам, а сами рюкзаки ещё раз попробовали забросить на плечи. Но не забросили, а снова чебурахнулись. И без роликов не получалось забросить, а на роликах они сразу падали – то на спину, то на бок.

Но фонарики уже еле-еле моргали, вот-вот обещали погаснуть. И тогда подруги, почти не думая (думать уже было некогда) просто взяли и приладили рюкзаки не сзади, а спереди, на коленки, на грудь.

– Ну что, попробуем?

Эли это почти смелым голосом сказала. Ей явно мерещилось, что они покатаются и в темноте наткнутся на что-то страшное. Хотя, если наткнутся, рюкзаки их спасут, может быть. А Люси, похоже, ничего страшного не видела. Она покатила вперед, хватаясь за ступеньки и стены. Выглядела она странно: в темноте её плохо было видно, и Эли казалось, что перед ней какое-то странное существо переваливается на корточках, то вверх тянется руками, то направо, то налево.

– А знаешь. А по этой трубе. Очень даже. Можно катиться. Представляешь? Если б мы просто. На корточках. Или ползли. На четвереньках. А так. Просто здорово. Получается. И быстрее.

Голос Люси тоже был странный – она запыхалась. И говорила отрывисто, запинаясь через слово. И пока говорила, как удобно катиться по трубе, наверное, целая минута прошла. Эли хотела кивнуть в ответ, но в тот же миг поняла, что Люсино «быстрее» прозвучало не просто так. Теперь подружки уже не за каждую ступеньку хватались, а пропускали одну – две – три – сразу пять. А когда труба чуть накренилась, они и вовсе отпустили лестницу, и завизжали от маленького страха, и быстро-быстро понеслись по подземной трубе.

– Ой, мамочка, дар! Ой, шмякнемся мы обо что-нибудь! – крикнула Люси почему-то весёлым голосом, словно видела, как они шмякнутся, да целы останутся.

Тут труба ещё накренилась и подружки полетели по ней, как две маленькие ракеты, а внутри у них всё замирало от какого-то быстрого страха. Но думать им опять было некогда: сейчас только ветер в ушах свистел, и труба на поворотах извивалась, как живая. Думать девочкам было некогда, но удивиться они один раз успели, когда заметили, что темноты стало меньше. Непонятно откуда, но по подземной трубе шёл слабый свет. А потом в нём появились блестящие точки, потом – блестящие полоски. Теперь даже ступеньки стали видны, но они так быстро бежали над головой, что сливались в одну полосатую ленту. А слабый свет очень хитро трубу подсвечивал, её стенки то серебрились, то золотились, то переливались радугой, а на поворотах становились узорными, будто девочки попали в огромный калейдоскоп.

И вдруг свет в подземелье – ворвался! Его стало так много, что Люси и Эли прикрыли глаза ресницами, но продолжали смотреть, как одна лента несётся под коньками, а вторая над головами. И тут, следом за первым вдруг, пришло ещё одно: верхняя лента улетела куда-то далеко в высоту, а нижняя стала подниматься так круто, что какая-то сила чуть не вдавила девочек и в их роликовые коньки. На них навалилась такая тяжесть, что и дышать под ней было тяжело. И тут, вместе с третьим вдруг, стенки подземелья пропали, исчезли в один миг, а Эли и Люси как из пушки выстрелило куда-то высоко-высоко, выше всего на свете, под самые облака. И закувыркало в воздухе. Света стало ужасно много, со всех сторон было ужасно много света. И от этого глаза захотели закрыться, но не смогли! Напротив, они так ужасно раскрылись, что на лицах у девочек ничего кроме глаз не осталось.

– Ма-амочка!!!! – Эли и Люси как бы кричали, но крика своего не слышали; только ветер в ушах свистел и ревел, а подружки лупили по воздуху руками, ногами, и головами вертели, будто тонули в огромном океане. Воздух всё жужжал, кувыркал и всё время показывал что-то синее. И это синее приближалось!

– Нееее-боооо!!! – Эли и Люси так заверещали, что на этот раз сами себя услышали. Но тут их крик оборвался, потому что девочки плюхнулись в очень красивое озеро.

Часть вторая

I

Да, плюхнулись. В очень красивое озеро. Вернее, не так: когда в озеро плюхаются, раздает громкое «плюх», а девчонки так долго падали, так закружились, завертелись, что просто жужжащими шариками в воду вошли. Вот и не вышло никакого «плюх», а только «вжжжж», «пшшшш» и мелкие брызги. Но Люси и Эли этого не слышали и не видели, они ушли под воду и уже там продолжали медленно кружиться, перекручиваться. Глаза их ещё больше стали, хотя, казалось, куда больше? А перед огромными глазами белыми стайками проносились пузырьки – это воздух вырывался из рюкзаков и одежды.

А потом Эли и Люси перестали кружиться, просто медленно уходили на глубину, опускались всё глубже. Глубже и медленнее, пока не уселись на самое дно. Крик их давно оборвался, все пузырьки улетели наверх, а девчонки всё еще не понимали, вообще не понимали – где они? Где они? Глаза у них стали обычными, не огромными, но в глазах и перед глазами всё продолжало мелькать и крутиться. Слишком много и быстро случилось-нахлынуло: бешеная гонка в подземелье, сумасшедшее кувырканье в воздухе и, наконец, целое море пузырьков, целое озеро не очень холодной воды.

Всё большой чехардой скакало в глазах и перед глазами. Но прошли какие-то длинные, не короткие секундочки, и чехарда с картинками поостыла – вода в красивом озере была не холодная, но и не тёплая. А потом и вовсе растворилась чехарда.

Эли и Люси удивленно посмотрели вокруг, перед собой. И ещё больше удивились. Рядом с ними преспокойно лежал их старый знакомый – кудлатый шерстяной клубок. И вид у него был довольный-довольный, как у смайлика. Словно он сделал всё – довёл девчонок, куда надо. Подруги на него уставились, рассмотрели хорошенько, и только в этот миг начали что-то сообщать.

Потом они посмотрели наверх и увидели, что высоко над ними искрятся солнечные лучи, весело сверкают, но очень высоко. И тогда им стало ясно, что сидят они под водой, на большой глубине. Что на ногах у них тяжёлые-тяжёлые ролики, а на груди – жутко тяжёлые рюкзаки. И ещё они вспомнили, что Люси почти не умеет плавать, а Эли – вообще никогда не умела. И от этого им сделалось не по себе, очень не по себе, и снова захотелось кричать, да под водой не очень-то покричишь.

И потому девчонки только вытянули губы, как рыбки, которым дышать хочется, да нечем дышать, и ещё раз выпучили друг на друга ужасные глаза. Да так подпрыгнули, что оторвались от песочка и стали тянуться наверх, туда, где солнышко играло золотыми лучами. Руки у них сами собой подтягивались и опускались, а ноги, хоть и мешали им тяжёлые коньки, всё отталкивались, отталкивались, будто от воды можно оттолкнуться. Но, видно, всё можно, когда дышать хочется. И солнышко приближалось, приближалось, приближалось, пока не раскрылась вода, и не вырвались подруги на свет и свежий воздух.

Вырвались! На одну секунду! Успели схватить немного воздуха и снова ушли под воду – тяжёлые ролики с рюкзаками их обратно потащили. И тогда начались новая чехарда, всё снова запрыгало вверх и вниз, вправо и влево. Руки мелькали, ноги мелькали, брызги летели. Так летели, будто кто-то большую акулу поймал за хвост...

Господи! Какая акула? Не до неё сейчас было девчонкам! Они, конечно, любили фантазировать и выдумывали самые невероятные вещи. Например, что однажды на главной площади Птибудошта вырастет баобаб, на котором будут расти французские батоны, а на батонах будут расти круассаны, а на круассанах – канапешки, а на них – монпансье. И так до бесконечности,

подруги просто остановиться не могли, одну выдумку меняли на другую, совсем чудную, почти в космос улетали, пока на Земле что-то не случалось. Ну, например, торт у них начинал подгорать или в кофиге кто-то просил чашку кофе принести или лимонада бокал.

Но сейчас подругам было не до фантазий и не до смеха – глаза у них только и успевали закрываться от тысячи летящих водоворотиков, снова открывались, и опять их вода заливала, не давала смотреть, как миллионы капелек сверкают, как маленькие радуги в капельках светятся.

И кто знает, что было бы дальше? Только рядом с новой чехардой проплывала по красивому озеру длинная-предлинная труба, кажется, резиновая. И когда девчонки совсем выбились из сил, уже не знали, что их на воде держит, как они ко дну не пошли, длинная труба прямо к ним в руки приплыла или попалась прямо под руки. Девчонки, конечно, не могли её разглядеть, они лупили по воде – руками, ногами, колотили, чем попало. Но как почувствовали, что по чему-то твёрдому бьют, сразу за это твёрдое схватились. Скользнули по мокрой резине. И ещё крепче схватились, и ещё раз покрепче ухватились. И только тогда – ф-уххх!!! – только тогда чехарда как-то сама улеглась, успокоилась. И девчонки отдышались, успокоились. Помолчали немного, даже поболтали где-то внизу тяжёлыми роликами.

– Ф-уххх! Дааар! – серьёзно, как усталый дельфин, выдохнула Эли. – Это самый приключенистый день. Во всей моей жизни.

– Ага, – Люси кивнула в ответ. – И в моей тоже самый приключенистый. Только, нам ещё! Только нам ещё до берега надо добраться. И вот, краска наша потекла. Этого ещё не хватало!

Люси недовольно сморщила нос, будто только что не было жуткой борьбы со спокойной водой, и показала на зелёное пятно, что медленно расплывалось от рюкзаков, которые перестали быть зелёными, опять превратились в жёлтый и красный. Или почти превратились, зелёное облако расплывалось от них в прозрачной воде.

На самом деле, ничего страшного в том облаке не было. Это была простая краска-гуашь, но маленькие рыбки от любопытства подплывали к ней, пугались и улепётывали подальше, на всякий случай. Подруги стали смотреть на забавных рыбёшек, как вдруг – опять вдруг! – раздался такой звук, что им снова сделалось не по себе.

– Ап-п-п-п-чхи!!! – кто-то рядом так громко чихнул, что даже труба под руками вздрогнула, а рыбёшки бросились бежать врассыпную. Ну, не бежать, а плыть, конечно, но быстро бросились, в разные стороны.

– Я бы сказала «будь здорова», только, кажется, это не ты чихала.

Девчонки от испуга снова заговорили хором. Они ещё хотели что-то сказать, но раздумали и прислушались. А вокруг было тихо, только маленькие волны шелестели. Но тут громкий чих повторился и снова всё заколыхал. А совсем рядом замигали два огонька, похожие на две буквы «V», только одна лежала на правом боку, а другая – на левом.

– Господи, дар! Что это такое? – девочки ещё больше испугались. – Тебе не кажется, что труба наша живая?

– Кажется! – ответила живая труба насмешливым, чуть хриплым голосом, а две букочки опять зажглись и как бы зажмурились, моргнули сначала левой, а потом правой букочкой.

Эли и Люси от этого просто дар речи потеряли, посмотрели на две букочки, как испуганные кролики, и подумали, что надо тихо-тихонечко отползти от непонятно живой трубы и вслед за рыбками плыть-бежать без оглядки. Они даже отпустили трубу, на половину секунды, но тяжёлые ролики их снова потянули вниз, напомнили про глубокую воду и песочек на дне. А ещё напомнили, что рыбки – они в воде как дома живут. А Эли и Люси здесь совсем не дома. И деваться им некуда, без трубы они точно утонут.

Ох! Девчонки это поняли и решили дар речи найти.

– Простите, Уважаемая Труба, это вы сейчас чихали и говорили «кажется»? – очень вежливым шёпотом спросила Эли.

– Сами вы Уважаемая Труба, – ответила Труба каким-то неповторимо хриплым и насмешливым тоном.

– Вы нас простите, мы вообще-то не местные, то есть мы здесь впервые. И даже не знаем, как вас лучше называть.

– Хм. Можете не извиняться так часто, и не надо меня называть лучше.

Труба продолжала насмешничать. И тут же, подняв голову, поднесла её к личикам девочек, так что каждой досталось по буковке «V». Эти две буквы, каждая на своем боку, оказались лукавыми и серыми глазами Трубы. Или не трубы? Непонятно чего-кого.

Да, всё было непонятно и странно, необычно. Но серые глаза Непонятно Кого почему-то не казались страшными, испуг сам собой прошел, а в воздухе мелькнула знакомая тишина, не очень полная, и застыла на пару минут – девочки просто не знали, что ещё можно сказать.

Они молча держались за Трубу, руками её перехватывали, перехватывали, пока не услышали ещё один странный звук. Точно! Теперь не только волны шелестели, но и какой-то отчетливый стук стучал, будто маленький розовый кролик часто-часто бил в маленький барабан, бил-бил-бил. Девочки ещё раз удивленно посмотрели друг на друга и только теперь поняли, что они замерзли в не очень холодной воде! Так з-з-амерзли, что кроме холода уже ни-ничего не чувствуют, только з-з-зубами всю стучат-постукивают.

– П-послушайте. У-у-важаемая, – начала дрожащая Эли.

– Хм. Скорее, уважаемый! – растягивая и обрывая хриплые звуки, поправил ее странный Непонятно Кто.

– Х-х-орошо. У-у-важаемый. В-вы и-з-з-вините нас. А вы как бы к-к-то?

– Я как бы удав! – короткий ответ сейчас не казался насмешливым, он казался шипящим. – А если точнее, Удав Вэ. Рад с вами познакомиться.

Тут Удав Вэ вежливо наклонил голову, а его лукавые глаза засветились и засмеялись, и в них, казалось, читаются целые слова, а не две буквы, только в холоде сложно разобрать, что это за слова. И вообще, сейчас девочки мало что понимали, холод у них последние силы отобрал.

– Ха-ха-рошо! У-у-дав-вэ-ээ. Мы-во-об-ще-то по-ня-ли, как-вас-зоо-вут. А нас-з-з-оо-вут. Вот это мм-ая пп-дру-га Лю-си. Аа яяя её пп-дру-га Ээ-ли. И есс-ли вы бб-уде-те так дд-оо-бры, мм-оо-жет, вам не сс-оо-ста-вит! Осс-об-оого труу-да! Сс-дее-лать так! Сс-лоо-вом! Чч-тоо-бы мм-ыы очч-ути-лисссс! На бе-бе-бе-ерегу!

Все это Эли простучала зубами, Люси ей помогала, как могла, но у неё получалась плохо – какая-то неразборчивая стукотня из отдельных звуков, местами забавная. Впрочем, девочки ничего забавного сейчас не слышали, они просто дрожали – каждая всем телом – и запинались на каждом слове под насмешливым и о-очень внимательным взглядом Удава. Только маленьким подругам сейчас было всё равно – смеётся над ними Удав или не смеётся. Они уже не дрожали от холода и зубами постукивали, они просто дикой тряской тряслись, исполняли какой-то концерт для зубов без оркестра, престо-престиссимо.

– Замечательный стук вы издаете, – Удав Вэ перестал разглядывать дрожащих подруг. – Насколько я понял, вы замерзли, просто ооченели, совершенно не умеете плавать и очень хотите выбраться из воды.

– В-всё пп-раа-виль-нно! – хором простучали Эли и Люси. – Ууу-дав-чик Вэ-ээ, миии-лень-кий, ты бы нас, кккк-как бы нас отвези! Ннн-ас!

– Да, бывает, бывает. Когда тебя мучает холод. Или голод. Бывает. Не до лишней болтовни, – Удав чуть отвернулся, мудро потягивая хриплые слова.

– Ммм-иленький, Ууу-давчик! Ты о-отвези н-нас! Ты паатом всё ссс-кажешь! Ттт-ы ттт-олько...

– Иногда даже маленькие девочки замечают. Что давно движутся к берегу. И что даже удавы. Кое-что соображают, – тем же мудрым потягиванием отвечал их новый знакомый, плавно извиваясь своим очень большим, очень длинным телом.

Девчонки уже не чувствовали холода, они вообще ничего не чувствовали. Но удавы плавают быстро, и очень скоро все трое выползли на берег. Для Удава Вэ это было обычное дело – удавы ползают. А бедные Эли и Люси так измучились, что еле-еле выбрались из воды и без сил рухнули на мокрый песок.

II

Да, сил у девчонок не осталось. Но через какое-то время они зашевелились и поползли дальше от воды на сухой песок. И снова рухнули, просто лежали и дрожали. Песок на берегу был тёплый и, хотя не согрел девчонок, всё-таки чуточку согрел, самую малость – через какое-то время они смогли приподняться и отодрать от себя ужасно мокрые рюкзаки. А потом – сесть и сбросить ужасно мокрые ролики.

– Уу, д-дар, – простонала Люси, выливая два маленьких водопада из своих коньков, – у меня з-зуб на з-зуб не попадает!

– Хм! Хм! Может, у тебя зубы неправильно растут?

Удав Вэ наклонил голову и лукаво блеснул буковками глаз. Он уютно свернулся на большом тёплом камне и с интересом смотрел, как маленькие подружки страдают.

– Т-тебе-то х-хорошо и с-сухо, – огрызнулась Люси, – а м-мы з-замерзли, к-как! К-как! К-как! – тут она приготовилась чихнуть, приготовилась, раскрыла рот и нос наморщила, но потом раздумала, не чихнула. – К-как маа-ртышки в холодильнике. В-вот!

– Да? – почему-то обрадовался Удав. – Давно не видал мартышек в холодильнике. Хотя, помню, было такое. Пять мартышек на верхней полке, пять на средней, пять внизу и ещё десяток в морозилке. Сколько всего мартышек? И что они там делают?

Удав немного помолчал, внимательно смотрел, как девчонки стараются шевелиться и почти не слышат его, ибо слишком заняты – продолжают страдать.

– Ну ладно, понимаю. Замерзли. Только стонами вы себе не поможете, и словами не поможете. Всё это не то, можно и по-другому согреться. Любую мартышку можно согреть, даже если она в морозилке сидела.

– А ты что, можешь разжечь огонь? – Эли перебила его шипящие слова, так сверкнула зелёными глазами, что видно было: она, наконец, услышала Удава. И рассердилась.

В ответ Эли получила лёгкую улыбку. Удав улыбался чуть заметно, краешками глаз, но, казалось, любое раздражение, даже сердитое, даже о-очень сердитое, попадёт в его улыбку и утонет – как колючее стёклышко в океане.

– Конечно, – ответил он с лёгким шипением («конешшно» – будто не большой удав, а большой кот нежился на солнышке), – я могу развести огонь. Только вам это не сразу поможет, не скоро согреетесь. А вот если мы поиграем в одну игру – тогда поможет.

– Поиграем!? Да ты что, издеваешься?

Девчонки бросили ролики, чуть не вскочили на ноги, уставились на странного удава и снова закричали хором. На этот раз не от удивления, не от испуга, а от большой сердитости. Что за бестолковый удав им попался? Нет бы пожалел по-человечески, а то плетёт всякую чушь! Поиграть вздумал, нашёл время!

– Ты что, не понимаешь, что у нас сил нет! Вообще нет! Даже пальцем пошевелить не можем!

– А я не предлагаю вам шевелить пальцами. Я предлагаю чуточку поиграть. – Удав оставался совершенно невозмутимым, даже заботливым. – Вы через верёвочку прыгать умеете? Да? Или нет?

– Через верёвочку прыгать? Да ты с ума спятил!!

Девчонки так возмутились, что чуть не забыли про свой холод, но опять их возмущение вылетело и сразу утонуло в улыбке Удава. Даже не утонуло, а растворилось, даже завидно было, как он ловко улыбается.

– На, дар, держи.

Удав не стал спорить с девочками, а просто сунул свой хвост в руки Люси. И пока Люси соображала – держать ей хвост или сразу выбросить? – Удав дополз до ближайшего дерева, завернул за него и снова показался, мигнул буковками глаз.

– Ты держи, а Эли пусть прыгает первая. Она больше тебя замерзла.

Он ещё раз завернул за дерево, натянулся, как верёвка, и даже стал легче и тоньше. Люси почему-то сильнее ухватила за хвост, а Удав снова показался из-за дерева и начал тихонько раскручиваться, как настоящая верёвка.

Да, Удав начал раскручиваться. А Эли! Она вовсе не думала прыгать. Она стояла твёрдо и хмуро. И всё больше сердилась на Удава, морщила брови, всё пыталась понять – что он за зверь такой? Что он, в самом деле издевается? Или в самом деле хочет помочь? И с чего вдруг решил, что она больше Люси замерзла?

Эли даже перестала дрожать, так рассердилась. Она прожигала Удава насквозь своими зелёными глазами, и уже собиралась высказать всё, что думает про его дурацкие шуточки. От неё даже пар пошел, так она разозлилась.

Но Удав посмотрел прямо в её глаза, так посмотрел, будто понимал всё на свете. И злость Эли стала уходить, она уже чуть согрелась и подобрела немного. И сквозь уходящую злость видела, что сердиться на Удава – дело бесплодное. Все равно любая сердитость растворится, не успеет до него долететь.

– Вот, умница! – сказал Удав, будто слышал все её мысли.

Эли совсем оттаяла, уже с интересом смотрела, как Удав здорово крутится, а мало соображающая Люси смешно дёргается, перехватывая в руках его хвост. Эли от этого улыбнулась, и ещё подумала, что через УДАВА она никогда в ЖИЗНИ не прыгала. И, если честно, даже представить себе не могла, что такое возможно.

Так она и не сказала ничего сердитого, а махнула рукой, отсчитала по привычке – раз-два-три – и проскользнула под верёвочку. То есть, под удава, конечно.

Вот тут и началось что-то попрыгучее и непонятное. Эли никогда в жизни так не удивлялась, только удивляться ей сейчас было некогда. Удав Вэ крутился не просто так: он то замедлялся, чуть не замирал в воздухе, то опять разгонялся. И снова замедлялся.

А Эли. Она как бы не прыгала, а летала. Повисала в воздухе и как во сне плавно опускалась. И снова подпрыгивала. А Люси. Она хоть и видела эту странную картину, да только и думала, как бы ей удержать хвост, уж очень сильно он дёргался.

И через пару минут от девочек повалил пар. От Люси не очень густой, а от Эли – очень, будто её вскипятили! Про сердитость девочки давно не вспоминали. Эли всё летала! Или не летала? Никак не могла разобрать! Внутри круга, по которому Удав вращался. Но что бы там ни было, ей ужасно нравилось всё, что сейчас было. Ей ужасно это нравилось. Она так легко могла оттолкнуться одной ногой, другой. А потом – пропустить в прыжке два вращения, три вращения. И даже сама могла перевернуться через голову. И всё было непонятно: то ли она так здорово летает, то ли Удав так ловко крутится?

А Люси! Она тоже согрелась и теперь смотрела на подругу не с жалостью, нет, а с такой лёгкой завистью. И сама нетерпеливо подпрыгивала на месте. И, наконец, не выдержала и закричала:

– Всё! Всё! Стоп! Теперь моя очередь!

Удав Вэ спокойно остановился. Его хвост сам собой выскользнул из Люсиных рук и перешёл в руки совершенно счастливой Эли. И тут снова началось что-то непонятное и попрыгучее. Сначала Люси по-настоящему согрелась. А потом девочки так разыгрались, так распрыгались, что привязали бантиком хвост Удава к ещё одному дереву, и вместе не то прыгали, не то летали...

– Ффф-у-х! Всё! Не могу больше! – подруги запыхались и снова повалились без сил на песок. Только сейчас они знали, что на самом деле у них много сил, на самом деле. Надо только

отдышаться, а сил у них столько, что они гору могут свернуть. Или две горы могут свернуть. Вот, сколько у них сил появилось!

– Хм. Славно! – Удав свернулся в большое кольцо, отвязал хвост от дерева. – Что вы там про мартышек в холодильнике говорили?

Эли и Люси засмеялись и только руками замахали в ответ, а Удав лукаво улыбнулся:

– Славно. Теперь самая пора сменить холод на голод! – И он как-то загадочно сверкнул глазами.

– Как это? – подруги не поняли и чуть приподнялись на песке.

– А вы что, есть не хотите? Совсем?

– Мы? Хотим!!! – маленькие подруги прямо зубами защёлкали и такими здоровыми головами закричали, что Удав за камень спрятался, в шутку, конечно. А девчонкам и впрямь казалось, что они сто лет ничего не ели. И теперь готовы слона съесть, если попадетсЯ.

– Вижу, вижу! Теперь у вас зуб на зуб попадает! Только вы на своих не бросайтесь, будьте так любезны, *дарагие*.

Подруги сбросили веселье, выпрямили спины, ножки прямо поставили, будто на бал собрались, и, как две маленькие кокетки, стрельнули глазами:

– Что, нам даже пообедать нельзя, милостивый сударь Удав Вэ?

– Нет, пообедать уже нельзя, – сейчас Удав почему-то не шутил, его слова звучали серьёзно.

– Как это нельзя? Почему? – девчонки растерялись и почти обиделись.

– А вот почему! – Удав остался серьёзным и показал хвостом на солнышко, что вот-вот собиралось закатиться за край красивого озера.

III

Подруги с удивлением увидели, как красное солнышко медленно уходит в воду, словно решило отправиться спать на глубину, на белый песочек на дне озера. Глаза у подруг застыли, потом оттаяли и быстро-быстро заморгали.

– Господи, когда же столько времени прошло? – они ещё пару раз моргнули вслед уходящему солнышку и устали на Удава.

– Когда прошло – тогда прошло, обратно не вернется. Так что про обед можете забыть. Но на ужин успеете, если, конечно, не будете два часа стоять и смотреть непонятно куда.

Удав чуть прикрыл свои лукавые серые глаза, он так ловко играл своим буквами «V», то расширял их, то сужал, что казалось, глаза у него совершенно не змеиные, а... чуть не человеческие. Они могли округляться в удивлении, и щуриться загадочно, сверкать озорными искрами. Могли. Но сейчас Эли и Люси этого не замечали. Они слышали слова Удава, задумались и сразу раздумались. И даже потёрли руки, что всегда делали перед бойкой работой. Теперь, когда ушли дрожащие страдания, маленькие хозяйки так быстро стали выкладывать всё-всё из рюкзаков, что Удав даже голову наклонил, zalюбовался. Может, подруги и не были опытными путешественницами, но хозяйками они были превосходными. Всё-всё в рюкзаках, еда, вещи были аккуратно завернуты в пластиковые пакеты и ни капельки не пострадали от воды. Так что теперь оставалось смыть песок, переодеться, выстирать рюкзаки и джинсы с курточками.

Всё это для маленьких хозяек была пара пустяков. И не успели погаснуть последние лучи солнышка, как мокрая одежда развесилась на верёвках, а Люси и Эли разложили на земле скатерть-клеёнку и на ней стали раскладывать ужин. Удав за это время натаскал большую кучу хвороста и, пока девчонки готовили еду, умудрился каким-то неведомым способом хворост поджечь. В сумерках мягко зашевелились огоньки костра, и вся компания уютно расселась. То есть девчонки расселись на одеялах, а Удав – он просто свернул из своих колец что-то похожее на корзину, и над ней держал длинную шею, голову и чуть заметную, очень внимательную улыбку.

Он держался в корзине почти недвижно, только ловким хвостом брал по очереди конфеты, пирожные, крендельки и внимательно их рассматривал, словно много лет не ел ничего такого. Много лет не ел, не видел, а может, вообще никогда конфет и пирожных не пробовал, не знал, какие они на вкус. Он поднимал сладости ближе к глазам, рассматривал со всех сторон. А потом опять опускал на скатерть, как бы нехотя, и вдруг – в один миг их подбрасывал и неслышно втягивал воздух. И пирожные с конфетами исчезали, будто и не было их никогда.

А Люси и Эли сначала набросились на еду, хватая всё подряд без разбору, как голодные звери – словно дико голодные тигры в них проснулись. Но тигры быстро насытились и пошли спать, наверное. Тогда девчонки спокойно отвалились на одеяла и смотрели, как Удав играет с оставшимися конфетами. И сами что-то лениво жевали.

Сумерки сменились непроглядной мглой, от озера подул холодком. Подруги завернулись в тёплые одеяла и тихонько выглядывали из них, как из коконов. Смотрели на огонь, на который люди и звери могут смотреть бесконечно, бесконечно разглядывая его узор, что никогда не повторяется и никогда не теряет красоту. Каждый звук превращался в ночной звук, такой же волшебный, как лёгкое пламя костра. Никому не хотелось говорить, новые друзья редко отводили взгляд от пламени, встречались глазами. И казалось, нет на свете ничего важного, чтобы прервать тишину.

А потом костёр перестал гореть ярко, и в сильно сгустившейся темноте только алели и потрескивали горячие угли, иногда вспыхивая, освещая лица. Девчонки ещё уютнее заверну-

лись в одеяла и время от времени устало прикрывали глаза. Эли уже совсем собиралась заснуть, но вдруг вспомнила, что давно хотела спросить:

– Скажи, Удав! А почему тебя зовут Удав Вэ, а не просто – Удав?

После долгого молчания её слова – «Скажи, Удав!» – прозвучали как-то странно, даже торжественно, но Удав почему-то не стал насмешничать.

– Почему так? – его голос стал рассеянным, девчонки такого раньше не слышали. Или не рассеянным, но посторонним, словно Удав был не здесь, а где-то далеко-далеко. Словно что-то вспоминал, какую-то историю, и пока не знал – рассказать её девчонкам или не рассказывать?

– Почему так? – Удав повторил те же слова. – Когда-то у меня было имя. Давно, в прошлой жизни. Те времена прошли, обратно не вернуться. И я оставил от имени только одну букву – «эл». Сначала мои друзья, что живут здесь, так и звали меня – Удав Эл. А потом стали проговаривать имя быстро, в одно слово – «удавэл». А потом стали проглатывать последнюю букву и получилось «Удав Вэ». Смешные у меня друзья, такие невнимательные порой, вечно всё путают. Но я не стал их поправлять, мне уж было всё равно.

Удав затих. Девчонки послушали тишину, что повисла в воздухе после его слов. Ничего особенного они не услышали, только маленькие волны шелестели у берега. Ничего не услышали, но зато почувствовали, как их дрёма уходит, спать вдруг расхотелось.

– Ничего себе! – выпалила Люси. – Ничего себе! И ты всё время молчал, ничего нам не рассказывал? А что это за прошлая жизнь? Это когда тебя звали на «эл»? А как тебя звали? И что тогда было? Всё было не так, да? А кто твои друзья здесь? А если есть здесь, значит, были и там? А там – это где?

Удав посмотрел на Люси с нежностью, и в его глазах опять блеснули лукавые искры.

– Вовремя ты проснулась, *дарагая*. Всем уже спать пора, а ты меня на ночь вопросами закидала. Нет, подруги, – Удав погасил искорки в глазах и зевнул, вежливо прикрыв рот кончиком хвоста, – сейчас будет бай-бай. А все вопросы – на завтра.

Он положил голову на корзину и сомкнул свои буковки «V».

А Люси, напротив, высунула голову из своей корзины, с очень недовольным лицом.

– Уда-ав! – она потянула звуки настойчиво и почти громко. – Уда-ав! – Люси наполовину вылезла из своего кокона и потянула руку к спящему удаву. Может он не успел заснуть, только глаза закрыл?

Эли сделала подруге страшные глаза – мол, невежливо будить человека, когда он спать собрался. То есть удава не надо будить – невежливо это. Но Люси её страшных глаз не видела. Она так хотела получить хотя бы один ответ на свои сто вопросов, что вообще ничего не видела. Только до Удава хотела дотянуться.

И дотянулась, конечно.

– Уда-ав!

– Ну что ты не спишь? – недовольно отозвался Удав.

– А ты раньше был удавом? Ну тогда, когда тебя звали на «эл»?

– Раньше я был медведем. Всё, давай спи!

Люси снова уселась в свой кокон и задумалась. Думала она долго – целую минуту. А потом снова потянулась к Удаву.

– Уда-ав! А ты каким медведем раньше был? Бурым или черным?

– Серо-буро-малиновым, – Удав бормотал, не просыпаясь.

Люси не поняла, шутит он или не шутит? Но решила ещё чуть-чуть подумать. Никаких серо-буро-малиновых медведей не бывает. Это она точно знала. Правда, она и чёрных медведей никогда не видела, в зоопарке Птибудошта были только бурые – одна семья, которую все звали «Три Медведя», как в сказке. Но чёрных она видела в книжках на картинках. И белых тоже видела. И сразу вспомнила много медвежьих картинок из «Жизни животных», красивой большой книжки, которую девчонкам подарили на их десятилетие. Сам мэр Птибудошта

им «Жизнь животных» подарил. Мэр тогда был очень нарядный: он надел тёмно-фиолетовый фрак с блёстками, а на голову – тёмно-фиолетовый цилиндр. Цилиндр тоже был с блёстками, из-под него смешно выбивались редкие седые кудряшки на голове мэра. И галстук-бабочка у него был тёмно-фиолетовый, а манишка – почти белая, с фиолетовым отливом. На площади тогда собралась большая толпа, все хотели поздравить своих любимых девочек, ведь Эли и Люси были родными для всех в городе. И духовой оркестр играл весёлые польки и вальсы: «Раз-два-раз-два! Раз-два-три!» И капельмейстер Гаусс красиво жонглировал длинной палкой, перевитой тесьмой. Эли ей говорила, как эта палка называется. То ли турумбурум, то ли турум-барумба. Эли, она такая умная, она, наверное, тысячу книжек прочитала. Тулумбарум... Как она называется? Как же...

– Это не палка. Это тамбуршток. Или просто бу-ла-ва.

Удав это тихо пробормотал, сквозь сон. И Люси сначала не поняла, что он там бормочет. А когда поняла, её словно током ударило. Она так и подскочила, выпрыгнула из своего одеяла. И секунду-другую стояла, как током ударенная, не знала, что делать. А потом очень решительно потянула Удава за хвост.

– Ну что тебе, что? – Удав недовольно щурил глаза-буковки, Люси его разбудила.

– Ну знаешь, это уже слишком!

– Что это слишком?

– Мысли мои подслушивать, вот что слишком!

– Ничего я не подслушивал, я спал. И тебе пора спать.

Удав снова закрыл глаза, а Люси замолкла, снова стала думать. Может, она не заметила, как вслух заговорила? Тогда, действительно, Удав не подслушивал, а просто слышал. Сейчас она и вспомнить точно не могла, говорила вслух или нет?

Люси посмотрела на спящего Удава, на Эли, которая тоже успела уснуть и во сне смешно шевелила губами, словно кому-то что-то рассказывала. Ну как она может спать, когда они ещё ничего не узнали? А Удав – тоже хорош! Ничего не сказал, только дурацкую шуточку сочинил про серо-буро-малинового медведя. Не бывает таких медведей, не было таких в книжке «Жизнь животных», а там про всех зверей написано!

– Не про всех!

– Ты что, опять подслушиваешь?

– Нет, не подслушиваю. Это ты всем спать не даешь! Сама себя не слышишь.

Удав не просыпался, бормотал во сне. А Люси теперь не чувствовала, будто её током ударили. Она точно слышала: Удав во сне говорил или бормотал. Она была точно уверена: сейчас она вслух ничего не сказала, только думала. И будь у неё сил побольше, если б ей так не хотелось спать! Она бы снова этого удава за хвост, за хвост! Но сейчас, ей сейчас безумно хотелось спать. У неё уже не было сил дергать Удава и выяснять, подслушивал он её мысли или просто слова слышал? Не было сил, но так хотелось хоть что-то узнать. Люси сделала движение, словно собиралась дотянуться до Удава. Но движение её закончилось, не успев начаться. Люси тоже провалилась в сон.

IV

Она провалилась в сон, но всё продолжала думать – обо всём, что сегодня случилось. Но думала недолго, её мысли превратились в сновидение, а голова совсем опустилась на край одеяла. И уже через минуту Люси ровно сопела, с интересом рассматривала, как они с Эли бестолково ходили по своему кофику, не зная, что делать, как спасти несчастную пленницу? А потом они спускались по бесконечной лестнице, боролись со скользкой трубой, шагали за кудлатым клубком и ругались с дурацким Эхом. Иногда Люси дёргалась, когда видела что-то неожиданное или страшное. Но потом она досмотрела первый сон и стала смотреть второй, спокойный, ничем не пугающий. Эли к тому времени уже смотрела третий или четвёртый, наверно, тоже спокойный, она даже улыбалась во сне. Люси тоже улыбалась, и дыхание маленьких подруг стало ровным и одинаковым.

Ночь неспешно мерцала далёкими звёздочками, прошел час, или два. Теперь Эли иногда вздрагивала и даже вскрикивала во сне, а Люси дышала ровно и продолжала улыбаться. Ей снилось, будто она научилась плавать и, прямо как русалочка, плескалась в самой середине красивого озера, надолго скрывалась под водой, заглядывала в глаза солнечным зайчикам, что решились нырнуть вслед за ней, в шутку ловила ладошками маленьких рыбок, трогала огромные камни на дне и пропускала мелкий песок сквозь пальцы.

Наплававшись вволю, она ещё поиграла с волнами у берега и вышла из воды. Провела рукой по чистым каплям на коже и растянулась на тёплом золотом песочке. Люси зажмурилась от удовольствия и яркого солнышка и сквозь густые ресницы смотрела высоко-высоко в небо. Всё вокруг было тихо и спокойно, но вдруг также тихо и спокойно из-за дерева у края леса выглянула какая-то странная лошадь. Она посмотрела на Люси огромными лучистыми глазами и странной походкой направилась к ней. Почему странной? Ну сами посудите: со стороны казалось, что эта лошадь тихонько напевает или сочиняет что-то про себя, шевеля губами. Иногда она останавливалась и смотрела своими огромными глазами высоко в небо, может, рассматривала облака или просто о чём-то высоко мечтала. А потом так и шла вперёд с задранной головой, пока не наткнулась на какой-нибудь кустик или кочку. Но шла она всё-таки к Люси.

– Ого, что это она так ко мне так... приближается? – подумала Люси, но тут же успокоилась. – Ничего! Ничего страшного, лошади не кусаются.

Но лошадь, видно, так не думала. И потому подошла поближе и мягко укусила Люси за правую коленку. От неожиданности Люси ойкнула, замахала руками и... проснулась.

В густых сумерках почти ничего не было видно, только спящие фигуры Эли и Удава можно было разглядеть. Где-то совсем далеко крикнула ночная птица. Эли тихо сопела, красивое озеро чуть дышало, а никаких других звуков не было, как Люси ни прислушивалась. Она чуть не рассмеялась своему глупому сну, но побоялась разбудить друзей и снова заснула. И снова погрузилась в прохладу красивого озера. Так приятно было плыть в сверкающей прозрачной воде, так приятно было выйти на берег, провести рукой по новой короткой стрижке и растянуться на золотом песочке. Только правую коленку Люси прикрыла полотенцем, на всякий случай, чтобы не сильно беспокоиться, что её снова укусят. Люси улыбнулась солнышку, что ласково и мягко светило в глаза, чуть откинула голову – и! – опять увидела странную лошадь, что ласково и мягко к ней подкрадывалась.

– Это ведь сон! – подумала Люси. – Ничего она мне не сделает. Буду лежать, как лежится. Неподвижно. Ничего страшного. И коленка у меня завернута в полотенце.

Но лошадь вовсе не собиралась кусать Люси за правую коленку. Она подошла поближе и легонько укусила за левую. Люси так возмутилась – возмутилась лошадиной, ну просто, наглости! – что опять проснулась.

Теперь сумерки не были такими густыми. Рядом в коконе сопела Эли, а чуть дальше на корзине из колец покоилась голова Удава. Всё было тихо и спокойно, но Люси вдруг почувствовала, что её одеяло-кокон как-то странно шуршит. Она наклонила голову и опять чуть не вскрикнула – какой-то маленький зверь в черной бархатной шубе тербил её одеяло. Тербил так, будто был недоволен, что именно здесь Люси устроилась на ночлег.

– Ты чего ойкаешь? – непонятный зверь на секунду оторвался от одеяла и повёл мордочкой к Люсиному лицу. Люси сразу поняла, что его глазки ничего не видят: он не смотрел ей прямо в глаза, он всё время водил мордочкой, принюхивался.

– Ты кто? – Люси, хоть и удивилась сильно, но не испугалась.

– Это ты кто? – непонятный зверь перебил вопрос, он был чем-то недоволен.

– Я... Люси, – ответила Люси, чуть подумав.

– А! Понятно, – зверь почему-то успокоился, будто давно был с Люси знаком.

– А ты кто? – Люси не боялась маленького зверя, а её любопытство росло.

– Крот Эр, – коротко ответил зверь.

– Какой такой кротер?

– Сама ты кротер. Не кротер, а Крот... Эр! – в голосе маленького зверя звучало большое недовольство. И маленькая гордость тоже звучала – что он не какой-то простой крот.

– То есть ты крот?

– Сама ты крот. Говорю тебе, Крот Эр.

– Вы здесь какие-то странные, – Люси пожалала плечами. – Удав Вэ. Крот Эр. Обязательно так называться?

– Так короче. И вообще. Сама ты странная. Посреди ночи ойкаешь. Всех будишь.

– Кого это всех? – удивилась Люси.

– Ну кого-кого? Всех! Ты что, сама себя не слышишь?

Тут Люси рассердилась. То Удав во сне бормотал, что она себя не слышит, то этот маленький кротер то же самое говорит.

– Как это я сама себя должна слышать? – Люси чуть обиделась и чуть громче заговорила.

– Тсс. Всех перебудишь. Глухая тетеря. Спи давай, не дергайся, – крот просто зашипел на Люсю, а она не любила, когда на неё шипят.

– Да вы замучили! Сами себя не слышите, а ещё хотите, чтобы я себя слышала. – Люси ещё злилась, но говорить стала тихо.

Крот немного помолчал, подумал.

– А тебе что, Удав ничего не рассказывал?

– Не. Не рассказывал. Ну, почти ничего.

– Ладно. Спи давай.

И не успела Люси вымолвить новое словечко, как непонятный кротер заработал лапами, перевернулся через голову и нырнул под землю. Люси только успела разглядеть, что у его чёрной шубки была белая опушка – у каждой лапки: верхней, нижней, правой и левой. А там, куда зверь нырнул, только осталась влажная тёмная земля.

Вокруг стало немного светлее, где-то за серыми скалами собиралось подняться солнышко. Рядом всё также тихо посапывала Эли, а Удав Вэ неслышно шевелил своими кольцами. Люси еще раз вспомнила сон, провела рукой по новой короткой стрижке и подумала, что воду из маленькой косички теперь нескоро придется выжимать. Потом еще раз удивилась приставучей лошади. Надо же! Нашла себе занятие. За коленки кусаться! Люси ещё раз рассердилась.

– Глупость, чушь лошадиная. И кротер этот дурацкий! – проворчала она, плотнее завернулась в одеяло и закрыла глаза.

V

Она закрыла глаза, но её сон не сразу стал крепким, а когда стал – Люси заснула вообще без снов. И проснулась нескоро – оттого, что кто-то щекотал ей ресницы и брови. Это были солнечный зайцы и зайчики, они долго прятались за серыми скалами, что виднелись за лесом далеко от берега, и устали ждать, пока тянулась ночь. А с первыми лучами выскочили из-за скал, побежали по лесу и запрыгали по берегу. Сначала они вели себя тихо-скромно, но потом осмелели и стали щекотать подругам брови и ресницы. А самые нескромные – даже пятки и уши щекотали.

Девчонки сладко потянулись и ещё во сне улыбнулись веселой заячьей игре. Глаза открывать не хотелось, видно, тишина у красивого озера была особенная, не такая, как утром в Птибудоште. Вот подруги и не стали как обычно выпрыгивать из сна и сразу приниматься за работу, а позволили себе чуть понежиться в утренней дреме.

Удав Вэ тоже потянулся, отчего все его кольца стали овалами, а потом снова превратились в круглые кольца и сложились в удобную корзину. Он неслышно втягивал воздух красивого озера и почти без движения смотрел на маленькие волны, что набегали одна на другую и шевелили крупинки песка у края воды. Эли и Люси только на секундочку открыли глаза и не смогли оторвать их от недвижимого Удава. Он смотрел на красивое озеро так, будто видел его впервые. Или, наоборот, будто видел его в последний раз и прощался с ним. Удав почувствовал удивление маленьких подруг и обернулся.

– Славное утро! – его голос звучал хрипло, но как-то очень мягко.

– И доброе притом! – весело подхватили девчонки и опять зажмурили глаза, чтобы ещё чуть-чуть понежиться.

– Ой, дар! – Эли чуть не выскочила из своего кокона-одеяла. – Ты знаешь, что мне ночью приснилось? Во-первых, я так здорово научилась плавать! И ещё нырять! А потом – потом вышла на берег, и меня укусила какая-то странная лошадь!

Люси оторопела и промолчала. И нахмурилась, как Эли обычно хмурилась, – всё раздумывала, как это её лошадь, из её сна, могла укусить ещё кого-нибудь?

– И ты знаешь, как она меня...

– Знаю, – перебила Люси, – сначала за правую, потом за левую коленку.

Теперь уже Эли удивленно уставила на подругу свои зелёные глаза.

– Что это, нам приснился один и тот же сон? – она привычно и задумчиво наморщила брови.

– Никакой это не сон, – вместо Люси ответил Удав, – Просто Лошадь ночью бродила около вас.

– Какая ещё лошадь? – девчонки возмутились и чуть не закричали в ответ.

– Я же сказал, Просто Лошадь. Или Лошадь Пэ, так короче, – и Удав хвостом показал на три дерева с низкой густой листвой, что росли у края леса, где кончался берег.

Эли и Люси посмотрели на три дерева, но сперва ничего не увидели. Потом провели глазами по густому кустарнику, что рос вокруг деревьев. И опять ничего не увидели. И только с третьего взгляда заметили в густой листве добродушную лошадиную мордашку с короткой чёлкой, длинной гривой и огромными лучистыми глазами.

– Слушай, Лошадь! Как тебя? Пэ! Ты зачем нас кусала?!

Девчонки старались говорить очень строгими голосами. Но Лошадь, казалось, с интересом смотрела куда-то в сторону, не обращая внимания на их строгость. Потом сказала «хммм» и спряталась в листве.

– Она ничего не делает зачем-то, – хрипло прошипел Удав, – она всё делает просто.

– Вот большая радость! Просто! А зачем она нас кусала просто? – ещё раз строго заговорили подруги, хотя поняли, что на лошадь с такими лучистыми глазами очень сложно сердиться.

– Видно, ей так захотелось. Она любит кусать за коленки. Просто, не больно.

– Ну, здорово! Давайте все кусаться просто и не больно. Что же она тебя просто так не укусила? Не больно!

– Но у меня же нет коленок, – Удав ответил весело и немного грустно и, словно плечами, пожал верхними кольцами.

Люси легонько подергала себя за ухо и издала неопределенный звук. Она хотела рассердиться на Лошадь Пэ, понимала, что это правильно – сердиться на Лошадь. Но не могла, не получалось. И дело было не только в лучистых глазах и симпатичной чёлке (Лошадь была не то что красива, но чертовки мила). Люси почему-то радовалась, что снова увидела эту лошадь, сама не зная, почему снова. Как будто давно-давно уже видела её. Люси пыталась понять и вспомнить – что-то было в этой лошади такое знакомое-знакомое, будто Люси была ещё маленькой, и ей говорили. Что же ей говорили? «Он с Кокошей и Тоттошей...» Нет, не так, не то! Ещё ей говорили: «Придет серенький волчок...» Нет, и это тоже не то...

– А-а! Я вспомнила! Это нечестно! Мы же хорошо себя вели! – Люси опять возмутилась.

Она вспомнила! Когда они с Эли были совсем маленькие, и весь Птибудошт их растил, кормил и воспитывал, им рассказывали старинную птибудошскую сказку про лошадь, которая приходит и кусает за коленки непослушных детей. Поэтому надо быть очень послушными девочками, и тогда никакая лошадь, даже самая кусачая, не придёт и не укусит за коленку. Они с Эли это много раз слышал, когда были совсем маленькими.

– Ты думаешь, Лошадь Пэ кусает за коленки непослушных детей? – Удав так лукаво смотрел на Люси, будто слышал всё, о чём она думала.

– Ну да, мне так говорили. В детстве. Давно.

– Хм! Ты уже не совсем дитя, – Удав чуть нахмурился. – На самом деле, Лошадь Пэ просто кусает и всё! Она такая, причудливая. Но вреда от неё – никакого.

Удав снова улыбнулся и теперь с интересом смотрел на Эли, которая, казалось, вообще ничего не понимает. Она удивлённо приоткрыла рот и разглядывала Люси, будто с подругой случилось что-то очень странное, будто Люси на голове прыгала или маленькое чудовище держала в руках. Словом, делала что-то совсем невероятное.

– Что с тобой? – Люси вслед за Удавом повернулась к Эли.

– Н-ничего, – та попробовала улыбнуться. – Мне, кажется. Показалось. Что ты только что превратилась в крохотную девочку. Ну, года полтора-два, не больше.

От этих слов в воздухе повисла тишина, она всегда повисает от странных слов.

– Померещилось! – Удав коротким словом прогнал тишину и опять наполовину сомкнул лукавые глаза. И понять – шутит он или нет? – было совершенно невозможно.

– Ладно, – вздохнула и согласилась Эли, но на всякий случай ещё раз внимательно посмотрела на подругу.

Глаза Удава от этого прямо засмеялись. Казалось, всё, что девочки говорили и делали, веселило его какой-то особой радостью. На кого-нибудь другого они давно бы обиделись, но на Удава – почему-то нет. Как-то на него не обижалось, будто все обиды растворялись – растворялись прежде, чем до него долетят.

– Да не высматривай ты Лошадь там, за деревом, – Удав ещё раз улыбнулся, и улыбка длинной волной пробежала по всему его телу. – Её там давно нет, она где-то бродит. Как обычно – просто. А когда понадобится, сама придет.

– А когда понадобится? – Эли спросила и ещё раз пристально посмотрела на Люси, проверила, не превратилась ли она в кого-нибудь?

Удав вдруг перестал быть весёлым, развернул половину своей корзины, стал большим, длинным и серьёзным, наклонился к самому уху Эли и тихо прошептал:

– Когда мы начнем завтракать.

VI

Удав прошептал это тихо, но тут вовсе не из леса, а из-за большой дюны у берега галопом примчалась Лошадь и очень согласно закивала головой. Девочки на неё смотрели, и сами чуть не кивали в ответ – так заразительно Лошадь мотала головой и шеей. Но она вдруг остановилась, развернулась и поплелась к лесу, скрылась в листве. И пока подружки смотрели ей вслед, Удав как-то незаметно и быстро повернулся к озеру и соскользнул вниз, в глубину.

Эли и Люси подождали немного – ждали, когда он вынырнет. Потом даже отбросили одеяла и подбежали к берегу, пытаясь разглядеть Удава в воде. Но ничего не увидели и махнули – Люси левой, а Эли правой рукой – ну и пускай плавает, если хочет. Потом они умылись и стали раскладывать на скатерти бутерброды, оставшуюся половинку торта нарезали небольшими ломтиками. И как только закончили эти нехитрые дела, из воды вынырнул Удав и опустился на скатерть какие-то чудные водоросли, они так и засверкали на солнце тонкими гроздьями с тоненькими листиками: с виду были похожи на ветку кораллов и в то же время на серо-зелёный укроп, только необычно большой. А из леса вынырнула Лошадь Пэ с длинной веткой в зубах, на которой висели разные фрукты, и как-то не совсем просто – задумчиво и торжественно – положила её рядом с водорослями. Посмотрела, как она лежит на скатерти, наклонила голову в одну сторону, в другую, и чуть передвинула ветку.

Тут девочкам снова пришлось удивиться. Они захлопали ресницами и беспомощно посмотрели на Удава, на Лошадь, на странную ветку, не понимая, как это... рядом могут расти... яблоки, лимоны, манго и киви, и ещё какие-то плоды, каких они никогда не видели.

– Удав, – Люси всё не могла оторваться от чудесной ветки, – что это такое?

– Фрукты! – Удав свернулся в корзину и ответил так, словно не понимал, чему Люси удивляется.

Подружки недоверчиво опустили краешки губ, но потом решили, что в этих краях есть такое дерево, на котором растёт всё что угодно. Может, не только фрукты растут, но и овощи. Может, не только овощи, но и ягоды. Может, не только ягоды, но и дыни, арбузы. Хотя один учёный-ботаник в их кофике в Птибудоште всем рассказывал, что арбузы и дыни – это настоящие ягоды, только очень крупные. Но ему почему-то никто не верил.

Больше девочки не стали фантазировать. У себя в городе они долго могли выдумывать всякую всячину – может, потому что всё вокруг было обычное, городское. А здесь, у красивого озера, чудеса сами являлись каждую минуту, будто кто-то большой и невидимый фантазировал и фокусы показывал. И потому девочки просто расстелили одеяла у скатерти и уселись удобно, по-турецки.

Лошадь Пэ тоже неторопливо подошла и уселась, как плюшевая игрушка, – не сгибая передние ноги и прямо на хвост. Впрочем, надолго её не хватило, она мягкими губами подобрала со скатерти кусочек торта и стала неторопливо расшагивать между краем озера и краем леса. Ходила Лошадь Пэ так же странно, как и утром. Даже ещё страннее: то плелась, низко опустив голову, то поднимала вверх свои большущие глаза и застывала. И со стороны всё так же казалось, что она бормочет про себя стихи или что-то напевает. Девочки её разглядывали, пока не раздался легкий хруст, это Удав отломил веточку своих водорослей.

– А это что? – такого кораллового укропа Эли и Люси точно никогда не видели.

– Это? Хм, не знаю, как назвать, никогда не думал. Да называйте, как хотите, а лучше пробуйте. Вкусно.

Удав повертел свою веточку так, что она засверкала в солнечных лучах. А девочки попробовали, захрустели маленькими листиками, которые на вкус оказались похожи на чипсы с укропом.

– Так похожи? С укропом? – Удав засмеялся весёлыми глазами, будто услышал что-то забавное. – Ну, хорошо, пусть будут чипсами из озера.

Люси и Эли улыбнулись. Им всё нравилось: как ловко Удав угадывает мысли, и что чипсы могут расти под водой. Они снова захрустели вкусными листиками, съели по кусочку торта, начали отрывать с ветки разные фрукты. Всё было вкусно. И ещё необычно, уютно. И вчерашний день ещё не забылся, и потому девчонкам было особенно хорошо – просто от одной мысли, что сейчас никакая опасность им не грозит.

Им было хорошо, улыбались они беззаботно. Но потом их глаза почему-то погрустнели, они продолжали вспоминать вчерашний день и оттого погружались в задумчивость, рассеянно смотрели прямо перед собой, но почти ничего не видели, будто с головой ушли в свои вчерашние приключения. И это было понятно: они сначала радовались, что избежали стольких бед. От холода не умерли, в озере не утонули, об воду не разбились, в лабиринте не заблудились, с лестницы не сорвались. Они шли сквозь вчерашний день, пока не пришли к его началу. И тут же вспомнили, зачем отправились в опасный путь. Вспомнили и ещё глубже ушли в задумчивость. Что им теперь делать? Куда дальше идти? Как в незнакомой стране найти этого противного великана с жабыми глазищами? Как вырвать из его лап прекрасную пленницу?

Много вопросов кружилось в их головах. Мысли стали водить такой хоровод, что когда Лошадь Пэ снова подошла за кусочком торта и так, мимоходом попыталась укусить Эли за коленку, Эли не обратила на неё внимания, просто отмахнулась, как от комара. Лошадь недовольно тряхнула гривой и снова стала расшагивать по берегу, а маленькие подружки всё хрустели и хрустели чипсами из озера, всё кружили в хороводе вопросов. Удав с улыбкой смотрел на них, ждал чего-то. А потом вдруг прочертил хвостом на песке короткую полоску.

– Ну что? Уже придумали, как будете спасать прекрасную пленницу?

Девчонки сразу вышли из хоровода, просто выпрыгнули из него. Эли внимательно посмотрела на Удава, а Люси поперхнулась и закашляла. Эли по привычке стукнула подружку ладошкой по спине. И ещё раз, и ещё раз.

– Всё, спасибо. Больше не надо. – Люси перестала кашлять. – Мы что, кха, мы разве тебе рассказывали про пленницу?

– Ну, не знаю. Словами не рассказывали, а вообще – да, рассказывали, – Удав сейчас говорил вкрадчиво, не как большой змей, а как большой кот.

– Как это «вообще»? Словами не рассказывали, а вообще рассказывали! – Люси посмотрела Удаву прямо в глаза, но ничего кроме лукавства там не увидела. – Значит, ты знаешь всю эту историю?

– Всю историю, нет, не знаю. Но что-то – да, знаю.

– И про великана знаешь, про Большую Жабу? И про пленницу? Ты что, с ними знаком?

– У-да, – кивнул Удав, – только давно их не видел.

Тут у Люси внутри проснулось большое любопытство, большое и подозрительное.

– А как ты догадался, что мы о них думаем? – любопытство с подозрением прямо зашипело у неё в голосе. – Ты всё-таки подслушиваешь наши мысли?

В ответ Удав как-то криво сдвинул глаза и нос наморщил.

– Фу, гадость какая. Подслушиваешь! Можно подумать, что вы заперлись в тёмном чулане и тихо о чём-то думаете. А я, такой коварный, припал ухом к замочной скважине и подслушивал, подслушивал...

– А что? Разве нет?

– Нет, *дарагая*, нет. Вы сейчас так громко думали, что только глухой не услышал, и подслушивать не надо.

Тут земля у скатерти-клеёнки зашевелилась и секундой позже из земли вынырнул маленький Крот Эр.

– Да я ей всю ночь об том талдычил. Во – тетеря глухая!

Люси чуть не задохнулась от злости. Поискала, что бы такое кинуть в наглого зверька, и кинула в него ломтиком торта. И почти попала: ломтик шлёпнулся рядом с кротером, но тот ловко вскинул маленькую лапку с белой опушкой и становил сладкий кусок. Потом принюхался, облизал лапку, блестящие коготки, ещё поводит носом и заулыбался. Откусил часть кусочка и снова нырнул под землю.

– Спасибочки, – его глухой голос еле донёсся из-под земли.

Эли всё это молча наблюдала, и Люси замолчала – не знала, что ещё можно сказать, только хмуро смотрела на Удава.

– Ладно. Не сердитесь. Привыкайте. – Удав потёр хвостом подбородок и уперся им в щёку. – Знаете, здесь у озера всё не так просто, как у вас в Птибудоште. Хотя, если подумать, здесь всё намного проще. Да. У нас никто не удивляется, если слышит чьи-то мысли. Их слышат, ну, как обычные слова. Иногда видят, как обычные картинки. Иногда даже запах чувствуют – вот, если вы начнёте думать о цветах или душистом мёде, их аромат и до нас дойдёт.

Люси и Эли только глазами захлопали в ответ и почему-то стали думать о душистом мёде. Но тут маленький кротер ещё раз выглянул из-под земли и откусил ещё кусочек торта.

– Вот-вот. Только они, эта, слушать не умеют. Глухие они, вообще ничего не тю-тю. Во!

И он снова скрылся под землей, на этот раз без всякого «спасибочки». А Люси даже ничего кинуть в него не успела, она рот раскрыла от слов маленького нахала и сказать ничего не могла, беспомощно смотрела на Удава, который просто кивнул словам кротера, будто согласился с ним. Кивнул так просто, будто речь шла о совсем понятных вещах.

Но Люси и Эли так не казалось. Им не казалось простым и понятным, что Удав к ним прямо в душу заглядывает. И этот маленький кротер тоже. И Лошадь! Девчонки совсем растерялись. Ничего себе! Значит, их мысли кто-то может выслушивать и высматривать. И даже вынюхивать. Ничего себе! От этой мысли у них и мыслей никаких не осталось – все разбежались и попрятались. А на лицах у Эли и Люси застыло такое выражение, прямо никакое выражение, как у божьей коровки, что решила притвориться мёртвой, чтобы никто не догадался, что она живая.

Удав тоже не шевелился, знал, что скоро девчонки отомрут. Но пока висела тишина, он, казалось, думал о чём-то своем. Даже смотрел куда-то в сторону.

– Ну, знаешь! Этого ещё не хватало! – Люси, наконец, очнулась и быстро заговорила, быстрее Эли, которая только собиралась что-то сказать.

– Чего не хватало?

– Ну, чтобы наши мысли кто-то слышал, – теперь Эли успела сказать.

Удав усмехнулся, но промолчал.

– Ну да, ещё не хватало, чтобы в наши мысли кто-нибудь лез! – Девчонки, наконец, перестали быть божьими коровками и по привычке закричали громким хором.

– Да? – Удав положил голову на хвост. – Видите ли, *дарагие* мои. Я же вам говорил, никто в ваши мысли не лезет. Это вы своими мыслями в другие головы лезете; не могу сказать, что это большая радость, особенно ночью. Но народ здесь вежливый, все терпят.

– Кто это все? – девчонки остановились, перестали кипятиться.

– Да все! Нешто непонятно? У меня аж голова болит от вашего гудения.

Подруги посмотрели вниз, и снова увидели маленького кротера, он с аппетитом уплетал остатки торта и тарачил вверх незрячие глаза.

Крот Эр подобрал последние крошки и снова нырнул под землю.

– Подумаешь! Уж и подумать ничего нельзя, – Люси громко заворчала ему вслед.

Люси ворчала, а Эли задумалась по привычке, только старалась думать тихо, спокойно.

– Скажи, Удав. – Она, наконец, что-то придумала. – Ведь что получается? Что ты наши мысли слышишь, да? А мы твои не слышим. Это почему так? Здесь, получается, какая-то вол-

шебная страна? И вы в этой стране тоже все волшебные? И потому мы не можем вас слышать, да? Потому что мы не отсюда?

Слова Эли были простые, но Удав от них поморщился, будто у него зубы заболели.

– Нет. Не то, не то, – он опять потёр хвостом подбородок. – Ты всё это в сказках читала. Вот и решила: надо только в подвал пойти или в кроличью нору провалиться, или три раза через голову перевернуться – и тогда окажешься в волшебной стране. А на самом деле всё не так.

Тут Люси, которая тоже внимательно слушала Удава, фыркнула на него, как недавно на Эхо фыркала. Удав внимательно на неё посмотрел и чуть расширил глаза, потом снова сомкнул.

– Это тебе сейчас не поможет.

– Что мне не поможет?

– Вот эти звуки.

– Какие ещё звуки?

– Вот эти. И вчера не помогали, только мешали. Чуть не погубили вас.

Люси хотела ещё раз фыркнуть, но почему-то раздумала. Удав чуть улыбнулся глазами и добавил: «Умница!»

– Хорошо. Если не так, то как? – Эли не собиралась сдаваться: если Удав начал что-то объяснять, то пусть объяснит.

– Ох, – Удав ещё раз поморщился. – Ну, на самом деле, все могут слышать. Только не все слышат – не научились. А ещё можно думать так, чтобы твои мысли в чужие головы не лезли. Ну, вот так могу объяснить. А по-другому пока не могу.

Девчонки послушали, и обе обиженно вытянули нижнюю губу. Им совсем не понравилось то, что Удав сказал. Но сил спорить и вытягивать из него новые слова уже не было. Эли ещё раз задумалась, и Люси тоже задумалась. Надолго – на целую минуту. Но как минута прошла, она громко засопела: у неё в голове появилась новая догадка. И от этого Люси чуть не захохотала, так обрадовалась, что не обратила никакого внимания на Лошадь – та ловко так притворилась, что хочет сорвать яблоко со своей ветки, а сама быстро укусила Люси за коленку, за правую. Но Люси даже не дернулась, отчего Лошадь очень удивилась и опять села на хвост.

– Слушай, Удав, – Люси продолжала радоваться, – а ведь ты нас просто дурачишь, да? Всё понятно! Тоже, нашел дурочек. На самом деле ты и не слышишь ничего, а как-то узнал, что мы погнались за этим великаном и что пленницу решили спасти. Может, он сам тебе всё рассказал, а ты теперь нас за нос водишь.

Люси всё больше верила в свою догадку и лукаво стреляла глазами.

– Вот скажи, вот точно скажи, о чём я сейчас, вот прямо сейчас думаю?

Удав посмотрел на неё, прищурил глаза и высвободил из корзины хвост. Свернул его в большой клубок, развернул и протянул Люсе кружку горячего кофе. Кружка была не просто какая-то – это была любимая Люсина кружка, красная, с красивыми белыми буквами: She likes coffee! Люси не смогла ее взять с собой, не влезла она в рюкзак, да и жалко было, если разобьется. А над этой кружкой из хвоста даже маленький пар вился, а Удав поднёс хвост ко рту и легонько подул на него, будто обжётся.

Люси получила кофе и любимую кружку, но почему-то не обрадовалась, а поникла.

– Что ж это получается, а? Значит, у вас все-таки волшебная страна? Или ты сам волшебник? Да?

Она никак не хотела верить в то, что видит, но Удав ещё одну кружку кофе приготовил, для Эли, фиолетовую с картинками. Девчонки осторожно понюхали кофе, потом попробовали. Кофе был настоящий, вкусный, будто в их чудесном самоваре сваренный. Удав даже сахар в него положил: Люси одну ложку, как она любила, а Эли – две. И чуть-чуть сливок добавил.

– Ну, пожалуйста, ну, Удавчик, ну не разыгрывай нас. Скажи, ты, правда, волшебник? Или просто фокусник? Или у вас страна все-таки необычная.

– Необычная, – согласился Удав.

– А ты только что говорил, что она не волшебная.

– Не волшебная, – согласился Удав.

Девчонки только заморгали в ответ и опять застыли. Рядом с ними всё сидела на хвосте Лошадь Пэ, но её, казалось, ничто на свете не волнует. Она продолжала что-то сочинять, закрывала и открывала свои огромные глаза. Подруги посмотрели на Лошадь, потом друг на друга и скорчили грустные рожицы. Удав так искренне с ними соглашался и так запутал своими фокусами и разговорами, что они никак не могли понять, что им теперь думать? И стоит ли вообще думать?

Удав молча смотрел на них, почти ласково. Долго молчал, а потом провел на песке вторую черту.

– Всё, хватит ныть!

– Да мы не ноём, – отозвались девчонки не слишком весёлыми голосами.

– Это не важно. Сейчас вы не понимаете, что делать, куда идти? И не поймете, даже если я вам сразу всё расскажу. Придётся немного потерпеть. Но не здесь, а в дороге. Причем это дорога не близкая. Зато скучать не будете, это точно, я вам обещаю. И ещё вот что: времени у нас не так много. А посему – собирайтесь, пора двигаться!

Девчонки опять заморгали.

– В дорогу? – потянула Люси. – И куда она нас приведет?

– А ты с нами пойдёшь? – оглянувшись на Лошадь, спросила Эли.

– Пойдет, пойдет. А не будете надоедать ей вопросами, с удовольствием пойдет.

Удав приподнял голову повыше и мягко втянул в себя воздух.

– Славное утро. – Он так же мягко выдохнул и развернул свою корзину в большие кольца.

VII

Удав развернул большие кольца, но потом вежливо их подобрал – чтобы подруги не споткнулись. Эли и Люси, хоть и были озадачены его словами, быстро-быстро собрали рюкзаки, забросили их на плечи. И как только забросили, Удав снова развернулся и резво заскользил по траве.

А девчонки – девчонки пошли за ним. Они шли и думали: думали про странные разговоры, про волшебную-неволшебную страну, про кофе из хвоста. И даже толком не следили, куда ведёт их Удав, и что обещанной дороги как бы не было. Озеро и золотистый песок остались далеко позади, и теперь вокруг были кочки, здоровенные пни и корни, через которые приходилось перешагивать, а то и перепрыгивать. Были густые ветви, порой нависавшие над самой землей, под ними девчонки проползали так ловко, словно сами были удавами. А потом деревья стали редеть, и подруги вышли на бескрайнюю поляну, заросшую папоротниками, такими огромными, что, казалось, в них можно утонуть, как в зелёном море. Когда девчонки вставляли на цыпочки или подпрыгивали – видели, что со всех сторон зелёное море окружено цепочкой гор. Даже странно было, как они подошли к папоротникам и никаких гор не встретили.

Но сейчас непонятные горы не слишком волновали, перед глазами Эли и Люси было только зелёное море, и они всё время теряли Удава, толком не знали, где он. Правда, знали, что он где-то рядом. Он ухитрялся незаметно, ненароком показывать, куда дальше идти. То появлялся частями – сверкал серебристо-тёмной кожей или шелестел в темно-зелёных зарослях. А когда не сверкал и не шелестел, и казалось, он растворился, потерялся или пополз куда-то по своим делам (даже такие мысли были!), Удав вдруг появлялся полностью, поджидал девчонок, свернувшись в корзину, серьёзно и лукаво смотрел на них.

А Лошадь Пэ просто бродила, где ей вздумается, и непонятно было: то ли она идёт вместе со всеми, то ли бродит сама по себе. Она появлялась нечасто, но зато вдруг и с неожиданной стороны. И каждый раз пыталась укунить за коленку – на ходу. Когда ей это удавалось, Люси и Эли так, от нечего делать ворчали. Лошадь кусалась не больно, они уже привыкли к её странной привычке, не обижались. Даже рады были, что Лошадь где-то рядом, когда Удав надолго пропадал. И всё пытались отгадать, откуда она появится в следующий раз? Но никогда не угадывали, хотя лёгкий шум копыт порой раздавался совсем близко.

Дорога, которой как бы не было, тянулась и тянулась. Час. Или два. Девочки иногда ходили по полям и лесам в окрестностях Птибудошта, даже бегали и почти не уставали. А сейчас устали. Наверное, потому что рюкзаки давили на плечи. Или потому, что всё время приходилось быстро идти. Или потому, что руками всё время приходилось раздвигать огромные папоротники. Здесь было много всяких «или», но одно точное: девчонки уже тихо мечтали о коротеньком отдыхе. И сразу, как по волшебству, появился Удав – полностью. Видно, он хорошо слышал мысли и сразу вынырнул из моря папоротников, а хвостом указал на ручей.

Маленькие подруги доплелись до ручья, сбросили рюкзаки. И ладошками потянулись к прохладной воде. Очень вкусной, кстати. А потом привалились к рюкзакам. Ещё вчера они здорово устали, и руки у них утром болели, и ноги, и плечи. Казалось, по всему телу бегали полоски боли, правда, не очень сильной. Но сейчас эта боль прошла, и вместо неё опять появилась усталость. Тоже не очень сильная. Эли и Люси знали, что скоро отдохнут и сами захотят идти дальше. А пока – блаженствовали, будто качались на волнах в море папоротников у журчащего ручья. И Удав покачивался над корзиной своих колец и снова о чём-то думал. Ещё вчера подруги сразу захотели бы узнать, о чём думает их новый друг, но сейчас даже пытаться не стали. Слишком хорошо им было ни о чём не волноваться.

– Ого! – вдруг удивился Удав. – Вы научились молчать. Это славно.

– Ты про что?

– Я про то, что ваши мысли успокоились. Не кричат, не мечутся, не пищат. А совсем недавно успокоиться не могли.

– И что в этом такого? – Либси даже не головы не повернула, ей сейчас было так хорошо, ни о чём не хотелось думать. А спросила она так, по привычке.

Эли тоже не стала шевелиться, но слова Удава всё-таки разбудили её мысли. Хотя в голове по-прежнему было спокойно: мысли не кричали, не суетились. Обычно Эли не могла думать спокойно. Вернее, так: если ей надо было серьёзно что-то решить, она хмурила брови, щурила глаза, иногда и лоб морщила. Иногда пальчиками водила в воздухе или ладошками голову подпирала – это ей помогало думать. А сейчас ей совершенно не хотелось ни морщить, ни напрягать, ни обхватывать. Она вроде ничего не делала, и даже не пыталась, а мысли – они сами собой думались. Эли даже видела, когда закрывала глаза, как они плавно перетекают одна в другую, без суеты, как тихие волны.

– Так что в этом хорошего? – повторила Либси, у которой любопытства было намного больше, чем у подруги. И если на её вопрос не отвечали, она его могла ещё раз задать. И ещё раз, и ещё.

– Если научишься молчать, то потом научишься слышать.

Удава не пришлось просить трижды. Либси чуть задумалась над его словами, как раз вовремя, потому что теперь Эли вспомнила, что её давно мучает один вопрос:

– Вот не могу понять! Утром ты нам кофе сделал из ничего, из воздуха. Как это может быть, если у вас страна не волшебная? Получается, что ты его наколдовал. Да?

Удав поморщился, будто ему под нос ему сунули пузырек с нашатырным спиртом.

– Фу, какое слово гадкое, колдуй, баба, колдуй, дед! Если уж говоришь про что-то необычное, подбирай не такие противные слова. Наколдовал!

– Ну, может, не так сказала, не обижайся. Просто не могу понять. Ну, допустим, ты догадался, что мы мечтаем о чашке кофе – это понятно, девчонки из коффика, конечно, всегда пьют кофе по утрам. Тут можно было догадаться. Но как ты накол... то есть, откуда этот кофе взялся и кружки наши любимые? Вот это совершенно непонятно. Это что, фокус такой? Или волшебство?

– Неплохо, – отозвался Удав. Молчание идёт на пользу. А теперь объясни, почему ты говоришь про волшебство?

Эли внимательно посмотрела на Удава. Шутит – нет? Ничего не увидела, не поняла. Кажется, не шутит.

– Ну, Удав. Ты странно говоришь. Когда кофе появляется из ничего, из твоего хвоста – это и есть волшебство. Такого не бывает.

– У-гу, – медленно растягивая звуки, потянул Удав. – Значит, то, чего не бывает, ты называешь волшебным?

– Ну да. Конечно. А как иначе?

Удав промолчал. Он так долго молчал, что Эли подумала, ответа вообще не будет, и стала разглядывать лист папоротника – он чуть покачивался от лёгкого ветерка прямо перед её носом. Прямо перед глазами – и от этого казался огромной зелёной поляной. Просто бескрайней и не просто зелёной, а светящейся, потому что сверху на неё падал тоненький солнечный лучик. Эли смотрела, как капелька росы медленно ползет по зелёной поляне – будто водяной шар медленно катился по желобку. Он был такой большой, и вдруг! Лучик попал прямо в шар – и засверкал миллионами цветных точек. Эли на секунду зажмурилась и закрытыми глазами увидела, как точки превращаются в огоньки, а потом – в далекие звёздочки. И улетают в темноту.

– Красиво, да? – Удав перестал молчать.

– Очень, – еле выдохнула Эли.

– Волшебно красиво?

– Да.

– Волшебное, но такое бывает? Бывает. Каждый день, каждую секунду. Ведь листков только не этой поляне – не сосчитать. И на каждом капля росы. А лучики солнца, они всегда есть. Это просто и обычно. И ты сама только что видела, как обычное превратилось в волшебное. Надо только увидеть. Вот и всё.

Эли не знала, что ответить. В словах Удава была правда, но была и неправда. Ведь он так и не сказал, откуда появился утренний кофе. Но волшебные светлячки, лучики, звездочки всё сверкали у Эли в глазах. И тут Люси зевнула и заворочалась на своём рюкзаке:

– Не знаю, чего там Эли увидела, но спрашивала она тебя не о том. Удав, ты никогда прямо не говоришь, скользишь как змея. Ой, прости, не хотела обидеть.

– Не обидела.

Удав смотрел на Люси с обычным лукавством и говорил тепло. А Люси всё равно смущалась и виновато моргала, но потом решила спросить ещё раз:

– Ну да, вот. Эли у тебя спросила – откуда взялся кофе? А ты ничего не ответил.

– Вы же сами видели – просто появился и всё.

– Ничего себе просто. Из хвоста. Может и у нас появится, если хвосты вырастут.

– Поверь, *дарагая*, – Удав сказал «дарагая», как Эли и Люси обычно говорили, чтобы чуть-чуть поддеть подругу, – хвосты здесь ни при чём.

Люси хотела ещё что-то сказать, но вдруг почувствовала, что кто-то настойчиво толкает её в попу, прямо из-под земли, на которой она сидела. Люси ойкнула и вскочила, а на том месте, где она сидела, выросла кучка земли, и из неё высунулся очень недовольный Крот Эр. Он ничего не сказал, но так повёл носом, так прищурил в Люсину сторону незрячие глаза, будто говорил: «Ну, ты всё время на дороге мешаешься, никакого покоя от тебя нет!» Крот даже фыркнул в Люсину сторону. И Люси собиралась фыркнуть на него, но тут кротер громко засопел носом, принялся. И отвернулся от Люси – к Удаву. И начал размахивать руками, своими коротенькими ручонками с белой опушкой и блестящими коготками. Показал Удаву что-то круглое, потом квадратное, потом начал трясти ладошками, словно говорил, говорил, и лапками пояснял, что он такое говорит. Но при этом не сказал ни слова. Удав тоже молчал и почти не шевелился, правда, хвост его не лежал спокойно, а изгибался и дергался, почти как лапки Крота. Так они «разговаривали» минуту-другую, а девчонки только ресницами хлопали – гадали, что за новость принес маленький кротер?

А тот последний раз махнул ладошками, ещё раз повернулся к Люсе и недовольно на неё засопел, а потом, как обычно, перевернулся через голову и провалился сквозь землю.

– Что он тебе сказал? – Люси и Эли чувствовали, что новость была не слишком приятной, волновались и от волнения заговорили хором.

Но Удав ничего не ответил. Он опустил хвост в ручей и сразу поднял его высоко над папоротниками. Опустил. Ещё раз поднял. Ещё секунду подумал и коротко бросил:

– Хватайте рюкзаки и бежим. Всё время бегите на солнце, не потеряетесь.

И, не дав девчонкам опомниться, быстро пополз в сторону, где светило солнышко. Подруги только успели пожать плечами, схватили рюкзаки и побежали за Удавом. Они побежали, потому что только бегом можно было его догнать. И то было непросто! Девчонки даже представить себе не могли, что удавы умеют так быстро ползать. «Удав, куда мы бежим?» – то Люси, то Эли пытались это прокричать, но получалось у них плохо, они совсем запыхались.

И вдруг, возле ещё одного ручейка, Удав резко остановился, подруги чуть не наскочили на него с разбега. А Удав снова опустил хвост в воду и ещё раз поднял его высоко над папоротниками.

– Да, – сказал он сердитым голосом. – Не успеем.

– Куда не успеем? – девчонки еле дух переводили.

Удав вместо ответа почесал голову хвостом и сказал очень странные слова:

– Есть у вас легкая материя, марля или рубашки из тонкого хлопка?

– Бинты есть, – ответила удивленная Эли. Она, когда собирала несъедобный рюкзак, положила в него йод, зеленку, мази. И бинты тоже положила.

– Много?

– Ну, не помню, штук пять или шесть.

– Давай их быстро сюда.

Эли начала копаться в рюкзаке, достала один бинт в пергаментной упаковке. Передала Удаву и – чуть не села на землю от удивления.

Удав мгновенно сорвал пергамент, обмакнул бинт в воду, не выпуская его, захватил Люси, зажал её в плотные кольца так, что она ни рукой, ни ногой пошевелить не могла. И начал обматывать ей голову мокрым бинтом. Всё это он сделал быстро-быстро, Люси даже пикнуть не успела.

– Дышать можешь? – прокричал Удав Люси прямо в ухо. Вернее, туда, где под бинтом было ухо.

– Не могу! – ответила Люси.

– Значит, можешь. – Удав оставался серьёзным и невозмутимым. – Давай ещё один, – он повернулся к Эли. И снова быстро-быстро обмотал Люсину голову ещё одним мокрым бинтом.

– Дышать можешь? – снова прокричал Удав.

– Не могу! – снова ответила Люси.

На этот раз Удав ничего не сказал. Он отпустил Люси, которая стояла, как мумия, и даже двинуться не могла, не представляла, куда ей двигаться. А Удав тем временем сделал мумию из Эли. А потом...

Потом девочки, которые, действительно, еле-еле дышали сквозь мокрые бинты, почувствовали, как кольца Удава подхватили их и понесли по воздуху. А дышать становилось всё труднее, Люси и Эли чуть сознание не теряли, но сделать ничего не могли – на голове у каждой был толстый слой мокрого бинта, а тела так жёстко обхвачены кольцами Удава, что подружки только пытались дёргаться. Но кольца были как железные, и дёргаться было бесполезно. А потом сознание у девчонок на самом деле потерялось, они провалились в какую-то темноту и вообще перестали чувствовать.

VIII

– Ну как, ожили? Всё хорошо?

Люси и Эли возвращались к жизни, хотя ещё ничего не понимали. Потом начали понимать и руками ощупали головы. Бинтов на них не было, сами девчонки лежали на большом тёплом камне, и под головой у каждой был рюкзак. Это Удав о них позаботился. Позаботился и уютно устроился на соседнем камне. Теперь он был обычным – немного лукавым, немного серьёзным. Но не быстрым, не строгим, не железным.

Подруги пошевелили руками и ногами. Это было больно, девчонкам казалось, что их через мясорубку провернули. Утром тело у каждой немного болело, побаливало. А сейчас от тела, казалось, вообще ничего не осталось, только тупая-тупая боль, всё время ноющая. Люси присела, недовольно крихтя, как старушка. Подтянула рукав и увидела синие полосы на руке.

– Ну ты чего, не мог полегче схватить? Смотри какие синяки!

– Ничего страшного. Первые, не последние.

Удав это так сказал, будто теперь синяки у девчонок будут каждый день – на завтрак, обед и ужин.

– А что вообще произошло?

– Смотри сама, – Удав кончиком хвоста показал вниз.

Только теперь девчонки поняли, что Удав занёс их на гору, на горную цепочку, что со всех сторон окружала море папоротников. Но море внизу уже не было зелёным, оно было жёлтым – вместо растений всю долину покрывал густой-густой жёлтый туман, на вид какой-то ядовитый.

– Это что такое? – девчонки протёрли глаза, но не могли их оторвать от жёлтого моря.

– Туман.

– А почему?

Ха, – Удав положил голову на хвост. – Думаю, это привет от нашего-вашего друга. Не очень приветливый привет, да?

– От какого ещё нашего-вашего друга? – девчонки недовольно хмурились, им было больно двигаться и просто сидеть было больно.

– Ну, я зову его Гард, по старой привычке. А вы ему придумали другое имя – Большая Жаба, да?

– Ох! – девчонки хором охнули. – И зачем ты нас потащил? Подумаешь, туман.

Удав ничего не ответил. Взял хвостом небольшой камешек и бросил его в жёлтое море. Камешек полетел, как обычно камешки летают, но не успел коснуться жёлтой пелены, как зашипел и... испарился. Так бывает, когда капелька воды падает на раскаленную плиту – вот летит она, и пшшш! Прямо в воздухе испаряется. И нет её.

– Что ж это такое? – Люси и Эли испугались и вздрогнули. Им совсем не понравилось, что с камешком случилось.

– Туман, – повторил Удав. – Только не простой, а жгучий. Даже камешки испаряются, а всё живое – просто сгорает. От папоротников ничего не осталось. И зверушки внизу погибли. Кое-кого Крот Эр успел спасти, но не всех. А тело у вас болит не потому, что я вас кольцами сдавил. Сдавил неласково, конечно, но вы уж простите, иначе б мы до гор не добрались и на гору бы не залезли. Но тело болит не потому. Боль – от тумана, вы его наглотались по дороге. Чуть-чуть. Он вначале был не такой ядовитый, не убил. Но если бы дышали как обычно – точно убил бы. Вот и пришлось вам головы обмотать, чтобы вы еле-еле дышали.

От этого рассказа девчонки застыли. Получается, Удав им жизнь спас. А если спас, ему надо сказать спасибо. Только нужные слова никак на ум не шли, да и не к чему было идти, вместо ума в головах у них свой туман кружился. Конечно, не такой ядовитый и жгучий, как

внизу, но тоже густой, в нем только обрывки перепутанных мысли плавали. А девчонки ресницами хлопали, ничего толком сказать не могли.

Эли несколько раз попробовала что-то вымолвить, но потом бессильно облизала губы, взяла ещё один камушек и бросила в жёлтое море. Камешек испарился, как и первый. Подруги посмотрели на это грустное чудо и снова стали тереть глаза. Но Удав их легонько шлёпнул по рукам, хвост у него был очень ловкий и быстрый.

– Вы, *дарагие*, вот что. Перестаньте тереть глаза. Вам сейчас надо хорошенько умыться, вымыться и одежду выстирать. Маленькие капли тумана везде остались, их обязательно надо смыть. А глаза тереть не надо. Сейчас это вредно.

Эли и Люси огляделись вокруг. О чём этот странный Удав говорит? Как здесь умоешься? Никакой воды нет. Откуда вода возьмется, если они на гору забрались?

Удав послушал их мысли и слегка покачал головой. Потом усмехнулся и стукнул хвостом по большому камню, на котором девчонки сидели. И камень медленно разошелся, будто его надвое раскололи, половинки разъехались, а девчонки погрузились в воду, она хлынула из огромной трещины. Девчонки погрузились в каменную ванну, или, наоборот, каменная ванна вокруг них образовалась. А вода в трещине бурлила, словно кипела.

– Не бойтесь, не горячая. Просто очень тёплая.

– А почему кипит?

– Не кипит. Это источник, сильная струя бьёт из-под земли. Вот и кажется, что кипит.

Люси и Эли перестали бояться. Им теперь любопытно стало. И ещё очень хорошо им стало, потому что боль уходила прочь.

– Господи, как хорошо!

– Да, это живая водичка, целебная. Сейчас все ранки заживут, и боль уйдет.

Удав говорил тихо и внятно, но девчонки его толком не слушали, они блаженствовали, сидя в бурлящей воде, уже десять раз опустили в воду с головой, даже глаза не закрывали, чтобы ни капельки ядовитого тумана в глазах не осталось. Они стянули с себя курточки и джинсы и теперь просто лежали, откинувшись на край каменной ванны, каждой клеточкой чувствовали, как «кипящая» вода сама их моет. Боль прошла, даже ныть перестала. А вместо боли появилась такие свежие силы, будто Люси и Эли три дня отдыхали, и сейчас, казалось, три горы запросто могут свернуть.

– Да, лечит вода, хорошо лечит. Скоро всё пройдет.

Удав всё покачивал головой, сидел в корзине, слова говорил, но видно было, что он опять о чём-то своем думает.

– Смотри, и синяки проходят! – Люси смотрела на синие полосы на руках, как они бледнеют. Скоро они совсем пропали.

А потом вода перестала бурлить и потихоньку ушла обратно, в трещину. Девчонки вылезли из каменной ванны, и половинки большого камня снова сошлись, даже следа не осталось, где камень пополам раскололся. Люси и Эли только плечами пожали, но сильно удивляться не стали, уже привыкли, что теперь каждый час новое чудо происходит. Вместо того, чтобы удивиться лишней раз, они повернулись к Удаву:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.